Цена номера 5 копеек

ВТОРОЙ ГОД ИЗДАНИЯ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

РЕДАКЦИЯ — Москва, Тверской бул., 25, Дом Герцена. Тел. 3-57-76. Прием в секретариате редакции ежедневно от 2 до 4 ч.
ИЗДАТЕЛЬСТВО — Акц. О-во «Огонек», Москва, 6, Страстной бульвар, № 11. Телефон 5-51-69.
МОСКОВСКАЯ КОНТОРА — Тверская, 37 (уг. М. Гнездниковского). Телефон 1-28-19 и 1-28-20.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:
На год — 2 р. 50 к., на 6 мес. — 1 р. 25 к., на 3 мес. — 65 к.
ЗА ГРАНИЦУ: на год — 1 долл. 25 ц., на 6 мес. — 65 ц., на 3 мес. — 35 ц.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Сегодня в номере

СТАТЬИ: ПЕРЕДОВАЯ — Задача — победить культурно. ВИКТОР ШКЛОВСКИЙ — Памятник научной ошибке. А.П. СУРКОВ — Рабочий кружок в центр внимания (1 стр.). ИВ. БАТРАК — В чем мы расходимся с Полонским. Е. БРАЖНЕВ-ТРИФОНОВ — Без руля и без ветрил. НИКОЛАЙ ПАНОВ — Смерть вождя (стихи) (2 стр.). КАК МЫ РАБОТАЕМ (3 стр.). МИХ. БЕККЕР — Молодые поэты (4 стр.). Информация. Театр.

№ 4 (41). Понедельник, 27 января 1930 г. | Орган Федерации Об'единений Советских Писателей | Выходит еженедельно

ЗАДАЧА—ПОБЕДИТЬ КУЛЬТУРНО

Каждая новая фаза хозяйственного развития перед работниками культурного строительства выдвигает новые и новые задачи. Происходящий в нашей стране хозяйственный переворот настолько грандиозен, что приспособиться к нему, поспеть изучить его — дело нелегкое. Требуются огромная настойчивость, упорство, энергия, выдержка, а главное энтузиазм и вера в успех нашего великого социалистического строительства.

«Культурная задача не может быть решена так быстро, как задачи политические и военные», — говорил еще в 1921 году тов. Ленин. — «Политические победить можно в эпоху обострения кризиса в несколько недель», — продолжает он далее.—«На войне можно победить в несколько месяцев, а культурно победить в такой срок нельзя, по самому существу дела тут нужен срок более длинный и надо к этому более длинному сроку приспособиться, рассчитывая свою работу, проявляя наибольшее упорство, настойчивость и систематичность».

Но следует ли отсюда, что можно оправдать этим медлительность, отсталость темпов нашего культурного строительства? Совсем наоборот. Тов. Ленин только предупреждает, что культурные задачи нельзя решать налетом, лобовой атакой, здесь требуется упорная кропотливая, настойчивая, часто невидная будничная работа.

Нередко культурные работники, чтобы оправдать свою оторванность, отсталость от жизни, заявляют, ссылаясь на Маркса, что идеология всегда отстает от практики.

Эти люди, всуе призывая имя Маркса, забывают о том, что так происходит там и тогда, где и когда события совершаются стихийно. Там естественно людям — «теоретикам», плетущимся в хвосте событий, не остается ничего другого делать, как задним числом придумывать этим событиям об'яснения. Но революционная теория передового класса пролетариата не может мириться с такой ролью. Напротив, будучи абстрагирована из практики и проверена ею, наша революционная теория всегда служила и служит тем факелом, который освещает пути дальнейшего движения трудящимся массам. Таково значение для нас передовой революционной теории.

В настоящее время перед писательской общественностью снова настойчиво самой жизнью поставлен вопрос об ее активном участии в социалистическом строительстве. Может ли писатель, не изменяя самому себе как художнику, творящему [illegible] своего сердца», отзываться [illegible] дня? Или же он [illegible] ностям, [illegible]ваясь недоступным воздействию совершающихся вокруг него событий.

Для молодого начинающего пролетарского или крестьянского писателя эта проблема не стоит так остро, ибо он все равно работает в большинстве случаев над очерком. А если этот вопрос и стоит перед ним, то законченное большое полотно — роман или повесть — все равно по своей тематике не отходит далеко от окружающей действительности. Другое дело писатель-попутчик или же устоявшийся, сложившийся пролетарский писатель. Для них и особенно для писателей-попутчиков здесь встречается много затруднительных моментов. И, нам кажется, нет ничего предосудительного в том, что мы чаще будем напоминать писателям, которые имеют склонность замкнуться в собственную скорлупу, быть ближе к жизни, ближе к событиям, ближе к совершающемуся огромному перевороту в крестьянском хозяйстве.

Мы не будем заранее указывать форму, в которую может отлиться эта большая связь писателей с текущей действительностью. Искренне преданный делу социалистического строительства писатель, считающий себя не на словах, а на деле «советским писателем», найдет этот способ стать ближе к жизни и быть полезным делу социалистической стройки.

Мы не собираемся рекомендовать писателю совершать преждевременные роды своих произведений. Но в то же время мы считаем своей обязанностью напомнить ему об ускорении темпов его творчества, разумеется не в ущерб качеству его произведений.

Само собой разумеется, что воспитание писателя в направлении приближения его к жизни не может совершиться в одиночку — в тиши кабинета. Напротив, вовлечение его в самую широкую общественность должно быть поставлено, как одна из первейших задач.

Только отрешившись от затхлой атмосферы замкнутых кружков и выйдя на широкую арену общественной работы, борьбы, соревнования, взаимной товарищеской поддержки, советский писатель станет полезным в деле социалистического строительства.

Нашему советскому писателю не достает общественной культуры, политического воспитания и особенно основательных теоретических познаний. Широкая общественность обогатит его творческий опыт и научит ценить силу общественного мнения того класса, который осуществляет диктатуру и под руководством которого происходит величайшее в мировой истории преобразование в области нашего хозяйства.

Советский писатель может принять участие в переделке отсталой, косной психики нашего многомиллионного крестьянства лишь в том случае, если его собственная психика и идеология будут стоять на уровне передовых идей передового класса, строящего социализм.

ДЕТИЩЕ РАБОЧЕГО КЛАССА БОЛГАРИИ

„РАБОЧИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФРОНТ"

Недавно в Софии начала выходить новая литературная газета «РЛФ» (Рабочий Литературный Фронт). Всего вышло 4 номера. Из сообщения, помещенного во втором номере РЛФ, видно, что первый номер газеты был конфискован, а редактор предан суду, на основании фашистского закона об охране государств.

В передовице первого номера, под заглавием «На четкой классовой позиции» РЛФ пишет, что культурный и в частности литературный фронт буржуазного и пролетарского классов Болгарии ясно вырисовался: с одной стороны продажная шовинистически - фашистская интеллигенция, восхваляющая империалистическую войну, фашизм, белый террор и, с другой стороны, пролетарская интеллигенция, которая вместе с авангардом рабочего класса ведет активную классовую борьбу против гнилой капиталистической культуры. «Бунтующаяся» мелкобуржуазная интеллигенция все более и более фашизируется.

В своем обращении к сотрудникам РЛФ, редакция заявляет, что газета является детищем эпохи под'ема рабочего класса Болгарии и будет стремиться стать всесторонним выразителем его в области культуры.

Редакция РЛФ подчеркивает, что в газете не будут помещаться произведения тех авторов, которые после того, как они примкнули к рядам пролетарской интеллигенции, будут продолжать сотрудничество в буржуазных изданиях, не идущих в ногу с принятой рабочими организациями классовой тактикой, даже в том случае, если эти произведения выдающиеся.

«С нами — или против нас. Среднего пути мы не признаем».

Содержание первых 4-х номеров РЛФ свидетельствует о том, что газета твердо стоит на пролетарско-классовой позиции. В РЛФ печатаются произведения молодых болгарских пролетарских поэтов и писателей, даются перепечатки из «Цемента» Гладкова, статья И. Маца «Искусство эпохи зрелого капитализма», «Пятилетка искусства в СССР» и т. д.

В специальной рубрике о культурном строительстве в СССР газета сообщает об открытии радио-станции ВЦСПС, передающей за границу доклады, всесторонне освещающие пятилетку, строительство, общественность, быт и т. д.

В царстве белого террора, кровавых Цанкова—Ляпчева, каждое проявление классово-пролетарской мысли преследуется беспощадно. Об этом можно судить по длинному списку (32 чел.) редакторов разных пролетарских изданий в Болгарии, посаженных в тюрьмы по фашистскому закону об охране государства. Список помещен во втором номере РЛФ. В нем мы находим имя старого революционного болгарского поэта **Д. Болянова**, редактора журнала «Наковальня», преданного борца за дело рабочего класса Болгарии.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ РАБОЧИЙ УНИВЕРСИТЕТ

При ленинградском Доме печати открывается первый рабочий литературный университет, организованный Домом печати совместно с Федерацией советских писателей и Обполитпросветом.

В текущем учебном году в университете будут читаться лекции по истории современной русской и западно-европейской литературы. Занятия будут производиться круглый год по четыре раза в месяц.

Запись в университет будет производиться во всех профсоюзных и политпросветских библиотеках Ленинграда. В университет будут приниматься главным образом рабочие и работницы. Для служащих и учащихся будет предоставлено всего десять процентов вакансий.

Занятия в университете начнутся с февраля.

БЬЕМ ТРЕВОГУ

Темпы по ликбезу отстают

Президиум ВЧКл/б, под председательством **А. С. Бубнова**, заслушал доклад об общем состоянии ликвидации неграмотности по материалам обследования Наркомпроса.

Президиум ВЧКл/б отметил общее **отставание темпа по ликвидации неграмотности в промышленных районах и колхозах.** ВЦСПС предложено направить свои бригады и уполномоченных для ликвидации неграмотности. Главсоцвос должен привлечь к ликбезу учащихся. ВЧКл/б предложено в срочном порядке добиться через ВЦСПС, чтобы во всех центральных и местных профгазетах был вкладной лист с материалами по ликбезу. **Признано необходимым издание массовой общественно-политической газеты для малограмотных.**

Перед ЦК партии будет поставлен вопрос о распространении саратовского опыта по культпоходу на всю территорию РСФСР.

Президиум ВЧКл/б отметил необходимость срочного издания декрета об **обязательной ликвидации неграмотности среди членов профсоюзов.**

В КЛУБЕ ПИСАТЕЛЕЙ

Клуб открывается 3 февраля

На последнем заседании правления клуба писателей была установлена точная программа и срок открытия клуба. Клуб ФОСП решено открыть 4 февраля. На открытие клуба будут приглашены представители ВАРНИТСО, Наркомпроса (т. Бубнов и др.), ЦБ секции печати, представители рабочих журналистов, работников искусств.

Открытие клуба начнется диспутом на тему «Каким должен быть наш клуб». Основными темами доклада явятся: колхозное движение, ударные писательские бригады, литературно-творческие вопросы и т. п.

В художественной части вечера открытия клуба будет поставлено обозрение.

Материалы к обозрению готовят: **А. Архангельский** («Петрушка в ФОСП»), **Вера Инбер** («Литературный планетарий»), **В. Ардов** («Литературный музей»). Оформление к обозрению подготовляют **Кукрыниксы.** Режиссер—**В. Тихов.** Участие примут артисты театра «Дома Печати».

Избрана комиссия по проведению открытия клуба писателей в составе: тт. **Луговского, Суркова и Гусева.**

До официального открытия клуба писателей решено начать деятельность основных его кабинетов и широко развернуть массовую работу.

25 января «Кабинет по изучению труда и быта писателя» организует диспут на тему «Творчество писателя». Изд-во «Федерация» устроит вечер с докладом о работе издательства и с обсуждением выпуска своей продукции. Будет организована выставка литературы, выпущенной издательством. Намечено провести доклад **Н. К. Крупской** о социалистических городах. В конце января кинокабинет клуба организует первый дискуссионный просмотр фильмы «Бегствующий остров» (по повести **Вс. Иванова**).

В Москве имеется более тысячи писателей. Но пока в члены клуба записалось только 130 человек. Всем записавшимся в члены клуба на-днях будут разосланы анкеты, которые должны заверяться литорганизациями.

В члены клуба будут приниматься все члены литорганизаций, входящих в ФОСП. Писатели-одиночки, не состоявшие в литорганизациях, будут приниматься по заявлениям персонально.

Кинокабинет при клубе писателей

Открывающийся при клубе писателей кинокабинет ставит своей задачей ориентировать писателя в вопросах кинематографии. К участию в работе кинокабинета привлекаются работники Совкино, сценарная секция МОДПиК, АРКК и другие организации.

В план работы кабинета входит изучение теории сценария как литературного жанра, цикл информационных бесед видных специалистов по кинематографии, производственная работа над сценарием (теория и практика) и т. п.

Для писателей будут организованы экскурсии на московские кинофабрики. Совкино намечает организовать в клубе писателей доклады о своей деятельности с широким обсуждением выпускаемой продукции.

В клубе писателей Совкино организует два раза в месяц просмотры своих новых фильм. 20% мест на этих просмотрах будет выделено для писателей. Кроме того, клуб организует один раз в месяц просмотр новых фильм «Прожектор» для писателей и демонстрацию всех вышедших фильм три раза в месяц. Кинокабинет каждые пять дней будет проводить для актива кабинета чтение киносценариев и просмотры фильм.

Рабочий кружок—в центр внимания!

(К первой областной конференции МАПП).

Вопрос выращивания кадров — один из центральных вопросов массового пролетписательского движения в реконструктивный период.

Еще около двух лет тому назад I Всесоюзным с'ездом был выдвинут лозунг «РАПП на предприятие», обязывающий к перестройке всей системы работы на его основе.

Как же организации на местах справились с проведением этого лозунга в своей повседневной работе? Насколько директива о создании резервуара новых пролетписательских кадров усвоена и введена в действие?

Внимательно вглядываясь в работу крупнейшего рапповского отряда—Московской ассоциации пролетписателей, мы должны установить, что она и несвоевременно и недостаточно гибко и активно выполняла директиву с'езда. Еще к концу прошлогоднего литературного сезона почти не было организовано первичных кружков, а те немногочисленные кружки, которые существовали, возникли стихийно, занимались бессистемно, не имели хорошо подготовленных руководителей и крепкой связи с творческим и организационным центром.

Начало организованному и продуманному продвижению на предприятия было положено лишь осенью 1929 года, когда по Москве на крупнейших предприятиях было организовано около полутора десятка кружков, и в ряде промышленных центров области местные ассоциации, наконец, тоже приступили к этой работе всерьез.

В результате всей суммы принятых мер, МАПП перед Первой областной конференцией имеет в своем составе кроме прежней сети окружных ассоциаций, литературных групп и районных кружков, новый «этаж» движения в виде свыше тридцати первичных кружков при предприятиях и рабочих клубах.

Разрешена ли этим задача о кадрах? Можно ли успокоиться на достигнутом? Ни в какой мере. То, что сделано — лишь самая начальная ступень выполнения лозунга «РАПП на предприятие». Вся сложность и все трудности работы впереди.

В области, включающей в себя около трети всех крупных промышленных предприятий СССР и около четверти всего состава промышленного пролетариата, нынешняя сеть низовых литературных кружков более чем недостаточна. Она может и должна быть увеличена не меньше, чем вдвое в самое ближайшее время.

Кроме того, организовать кружки — это еще сделать только полдела. Вся работа—сложная и кропотливая — приходит на второй день после организации. Надо обеспечить сотни кружков новым[illegible] учебой, чутким [illegible]ческим руководством, максимально благоприятными для творческого роста общими условиями работы кружка.

Как правило, кружки на предприятиях состоят в большинстве из молодых рабочих, стоящих на очень низком уровне культурного развития, слабо знакомых с художественной литературой, и зачастую политически недостаточно подготовленных. Приходя в кружок со знанием литературы в об'еме хрестоматий школ первой ступени или семилетки, такие кружковцы нуждаются в очень чутком и настойчивом руководстве со стороны. До сего времени еще приходится в практике повседневных кружковых занятий убивать много энергии на то, чтобы приучить кружковцев к простому чтению литературы, к мысли о том, что без высокого культурного и политического уровня, без громадной литературной учебы писателем стать невозможно. Молодой слесарь или модельщик, пришедший в кружок, считая вполне законной долголетнюю учебу по своей производственной специальности, относится к занятию литературой, как к делу страшно легкому и нехитрому. Написавший несколько стихотворений (особенно, если одно или два из них где-нибудь напечатаны) считает круг своей литературной квалификации почти завершенным. К этому надо прибавить и внешние трудности в виде отсутствия помещений, недостатка общественного внимания и контроля, отсутствия или недостатка пособий и прочих больших и малых тормозов, выплывающих ежедневно.

Если все это принять во внимание, будет достаточно ясна та громадная и сложная работа, которую надо будет проделать организации в обслуживании нового своего «этажа».

Чтобы избежать разнобоя, самотека, и неразберихи в воспитательной работе, кружки должны быть обеспечены гибкой, приспособленной к уровню аудитории программой занятий. Программа эта, построенная под углом популяризации творческих лозунгов РАПП и расширения литературного кругозора, ни в какой мере не должна быть заурядной программой школьного типа. Она должна быть построена с расчетом на то, чтобы дать кружковцам зарядку для более глубокой и широкой проработки вопросов самостоятельно, пристрастить к учебе.

Дело это сложное, нелегкое. Нынешние программы в очень многом не соответствуют вопросам кружковой практики. Надо как можно скорее и тщательнее учесть уже имеющийся опыт работы по этим программам и перестроить их в нужном направлении.

Одной программой вопрос не исчерпывается. Нужны большие кадры людей, которые бы проводили ее в кружках, руководили изо-дня в день всеми процессами учебы и творческого роста кружковцев. Нужны кадры хорошо подготовленных, хорошо усвоивших литературно-политическую и творческую линию РАПП, руководителей кружков.

Те кадры, которые мы имеем сейчас, и по количеству и во многих случаях по качеству не соответствуют вопросам запросам работы. Многих из нынешних руководителей надо заменить, многих надо основательно переподготовить. И ко всему этому, надо провести большую работу по выявлению и основательной подготовке большого числа новых руководителей. Работа эта очень сложна. Первого попавшегося человека руководить творческим кружком не пошлешь. Надо, чтобы он совмещал в себе и хорошую общую подготовку и достаточно глубокое понимание специфики творческих вопросов и обладал способностью не вульгаризируя довести до понимания кружковцев сложные и глубокие вопросы. Ведь ему с самых азов надо воспитывать в кружковцах диалектико-материалистическое художественное мировоззрение, надо всю работу, начиная от знакомства с литературным наследством до разбора первых творческих опытов, пропитать этой установкой.

Вообще, работа в кружках может быть успешной лишь в том случае, если будет построена на строгом учете уровня и интересов кружковцев, на чутком, дифференцированном подходе к каждому из них, на устранении всех элементов кустарщины и партизанства. Одинаково опасно и плестись в хвосте отсталых, наплевательских настроений кружковцев по отношению к трудной и кропотливой учебе и засушить, переакадемизировать работу. И в том и в другом случае результатом будет застой работы и распад кружка.

Нарождение нового звена уже сейчас заставляет задуматься над формами дальнейшей воспитательной работы с будущим активом первичных кружков. Каждый год работы в кружках будет давать с одной стороны отсев случайных элементов, с другой — рост группы творческих интересных начинающих писателей. С каждым годом кружок будет пополняться новыми кадрами молодняка. Чтобы избежать появления ножниц в культурном и творческом уровне кружковцев, надо создать для творчески выросших новые формы дальнейшей учебы и творческого совершенствования. Для кружков Москвы такими формами должны стать районные об'единения актива первичных кружков. Основой таких об'единений могут быть нынешние районные кружки. [illegible] не невозможно. Только при [illegible] в районные об'единения [illegible], они смогут отделаться от множества отрицательных сторон своей работы. Для окружных центров подобные об'единения надо будет создать в общегородском масштабе, превращая их в основные творческие центры окружных АПП.

Вот, в очень общих чертах нарисованная картина положения с низовыми кружками в Московской области. Едва ли в другом положении находится эта часть рапповской работы и в других областях РСФСР.

Общие выводы из всего сказанного ясны. Мы только приступили к внедрению массового литературного движения на предприятие. Первый опыт показал, что наскоком, кампанейством этого вопроса не разрешишь. Нужна повседневная, продуманная, планомерная работа, построенная на изучении состава и условий работы на каждом предприятии, где намечена организация кружка. Нельзя гнаться за количеством, не учитывая возможностей постановки качественно высокой работы. Лучше развернуть меньше кружков, но обеспечить их полностью хорошим и повседневным руководством.

Всего этого можно достигнуть лишь тогда, когда основной актив организации и в Москве и, в особенности, на местах, поймет всю важность этой работы, всю сложность и ответственность ее и раскается на внесение в эту работу большевистских темпов и большевистской системы.

До сего времени этого мы не наблюдали. Положение в местных АПП, начавших продвижение на предприятия лишь под большим нажимом извне, положение в некоторых районных кружках, палец о палец не ударивших в этом деле, говорит о многом. Пример с бауманским кружком «Удар», не сумевшим и не желавшим усвоить новые задачи организации и за это распущенным, должен быть учтен всеми отстающими и плетущимися в хвосте движения.

Массовое пролетписательское движение, об'единяемое РАПП, в противовес «Кузнице» не сидит у пролетарского моря и не ждет погоды, в виде самотека высокогалантливых и сложившихся писателей. Оно должно итти и идет на места и, создавая кружки на предприятиях тем самым создает резервуары, из которых будут вычерпываться в результате упорной и длительной работы новые кадры пролетписателей.

Над разрешением вопроса —как лучше и полнее справиться с этим делом — должна будет поработать Первая областная конференция МАПП, собирающаяся в феврале.

АЛ. СУРКОВ.

ХУД ЖЕСТВЕННУЮ КНИГУ—РАБОЧЕМУ

(На вечере смычки библиотекарей с изд-вом ЗИФ)

Изд-во «Земля и Фабрика», совместно с культотделом МОСПС, организовало 24 января в Доме Печати широкое совещание с библиотечным активом.

А. В. Луначарский в своей беседе с библиотекарями ответил на ряд поставленных ему вопросов.

— Один из важных вопросов,—доступность книги. Полнота нашей культуры должна заключаться в том, чтобы иметь многотиражные издания, которые сумеют привлечь массового читателя к массовой книге. Мы должны сделать все, чтобы создать эти первые ступени социалистической культуры. И писатель, который не чувствует долга поработать над этими первыми ступенями, чтобы сделать себя понятным для миллионов читателей—плохой гражданин.

В заключение своей беседы т. Луначарский отметил необходимость установления полного контакта в работе изд-ва с библиотекарями На обязанности библиотекаря лежит задача расширить круг читателей. Надо уметь порекомендовать и растолковать книгу рабочему. Библиотекари должны быть главными помощниками и проводниками книги в массы.

— Библиотеки наших рабочих клубов бедны,—выступил и заявил рабочий-читатель т. **Семенов.**—На ограниченные средства, отпускаемые нам фабзавкомами, мы должны покупать только хорошие книги.—Дешевая библиотека ЗИФ—заслуга издательства. Но надо издавать также в дешевой библиотеке и «толстую» литературу, не дожидаясь выпуска ее в дорогом издании.

Между издательствами и рабочим-читателем существует разрыв. Издательство ЗИФ в прошлом выпускало недоброкачественную литературу,—сказал т. **Горвиц.**

Тов. **Мандельштам** из библиотечного отдела Главполитпросвета заявил:

— Рабочий-читатель требует хорошую книгу, освещающую современную тематику.

Библиотекари в своих выступлениях указывали, что книжный рынок заполнен халтурной литературой и делали вывод:—Надо широко привлечь рабочего-читателя к обсуждению рукописей и выпускаемой изд-вами литературы. Только тогда можно будет продвинуть доброкачественную книгу к читателю. Работники издательств должны пойти в рабочие библиотеки и ближе ознакомиться с читательскими запросами рабочих.

[illegible] в МОСПС состоится [illegible] собрание библиотекарей актива, которое заслушает доклад т. **Ионова** «О редплане ЗИФ на 1930 год».

Главк, который не управляет

Рабочее обследование Главискусства

Уже на первом заседании рабочей бригады по обследованию Главискусства председатель его **Ф. Ф. Раскольников** в своем докладе подверг суровой критике работу этого главка.

— Главискусство,—заявил Ф. Ф. Раскольников—в период обострения классовой борьбы на всех фронтах должно проводить особо четкую классовую линию, отражая в то же время вылазки классового врага. Главискусство должно создать условия для полного осуществления ленинского лозунга: **искусство—трудящимся.** Оно должно сделать упор на массовость. Аппарат его должен быть окоммунизирован и орабочен, работа его должна быть улучшена и поставлена на правильные рельсы. В настоящее время мы очень далеки от всех этих элементарных требований по отношению к Главискусству. Структура его менялась несколько раз и, несмотря на это, все еще громоздка и неудовлетворительна. Отсюда—«все качества». И особенно уязвимое место—это отсутствие пятилетки искусства, свидетельствующее о недопустимом отставании главка от темпов развития советского народного хозяйства.

Ф. Ф. Раскольников заявил, что новое руководство Главискусством работает всего три месяца, при чем юридически руководство это как бы не существует, так как состав его еще не утвержден Коллегией Наркомпроса.

Рабочая бригада, производившая двухнедельное обследование, закончила вчера свою работу.

Какие результаты дало обследование? Прежде всего оно установило, что руководители главка, как и ответственные работники его аппарата, почти все свое рабочее время должны были отдавать и отдавали бесконечным заседаниям и совещаниям. Дальше этих заседаний и проектов, не всегда оформленных даже на бумаге, президиум не шел.

В результате—**нет ни руководящего плана, ни системы в работе Главискусства.** Каждый отдельный инспектор его работал, что называется, как «бог на душу положит». Составлен план какого-либо раздела—хорошо, не составлен—тоже не беда, так как никто существование этого плана не проверял. И конечно, в этих условиях мало кто думал о таких вещах, как увязка или согласование того или иного мероприятия с ответственными руководителями главка, всегда «загруженными» заседаниями, приемами, беседами.

Но, если некоторые его отделы делали то, что—регулярно или нерегулярно—собирались и заседали, то **совсем плохо обстояло дело в той части аппарата, в ведении которой были сконцентрированы дела по вопросам советской литературы.** Каково бы то ни было руководство и плана здесь также не было. Литотдел пытался поставить вопрос о помощи низовым рабочим лит-кружкам, созывал для этого литорганизации, заслушал отчеты о работе с литкружками и этим ограничился. Намечавшиеся мероприятия по работе и руководству литкружками так и остались на бумаге. Последние месяцы литотдел вообще стал пустым местом, т. к. вообще **работников в нем нет.** Обследователи выслушали заявление о том, что никакого плана по руководству вопросами литературы у лиц, руководящих этими вопросами, до сих пор нет, как нет и четкой установки в области содействия советской литературе, связи с литературными организациями, издательствами, писательскими кружками и т. п. **Главискусство имеет в своем распоряжении по литературному разделу на текущий год фонд в 240 тысяч рублей. Но на какие конкретные цели будет использован этот фонд ему неизвестно.** Словом—в аппарате «по делам литературы» господствует неразбериха.

Главискусство до сих пор продолжает оставаться аппаратом, как бы специально созданным только для опеки гос-ак-театров. И это в то время, когда 300 республиканских стационарных театров лишены всякого руководства со стороны Главискусства. Такая громадная область работы, как внедрение искусства в социалистический сектор сельского хозяйства, совершенно оставалась вне поля зрения Главискусства. Художественной работой в деревне оно не руководило. Этим занимался почти самостоятельно Дом им. Поленова, обследование деятельности которого производится только в настоящее время. Главискусство не интересовалось также художественной работой по радио, искусством национальностей, клубной работой в городах и т. п. Инспектор Главискусства, ведающий вопросами искусства нацменьшинств, по его собственному признанию, шесть месяцев занимался... перепиской протоколов. В это же время—**национальные театры существовали без какой бы то ни было поддержки и руководства.**

Не лучше обстоит дело и в изо-отделе, который, как и его собратья, увяз в бумажном потоке. Десятки художественных об'единений работали без руководства и без обследования. Помощь им не оказывалась.

Обследователи заглянули и в Главрепертком. Здесь они обнаружили, что театральной секцией его задерживался просмотр пьес, представленных авторами. Одна пьеса, например, просматривалась... целый год, другая... 13 месяцев, но была и молниеносная быстрота! некоторые пьесы разрешались к постановке в несколько дней.

Главреперткомщики, как это не странно, снисходительно относились к легкому жанру. При чем, согласованности по этому вопросу среди работников старого состава не было. В то время, как один член репертком запрещал тот или иной фокстрот или романс, другой его допускал к исполнению.

Главрепертком разрешил Музпреду восстановить пластинки с романсами Вари Паниной, Вяльцевой и других, при условии, что Музпред будет выпускать одную пятую числа пластинок—легкого жанра и четыре пятых—революционного репертуара. Но на деле выпускались, главным образом, пластинки легкого жанра.

К каким выводам пришла рабочая бригада, тщательно обследовавшая всю работу Главискусства?

Выводы ее таковы: **в корне должна быть изменена система работы главка по делам искусства и литературы** и организационно должна быть укреплена его деятельность. Ограниченный аппарат главка руководит в настоящее время 60 подведомственными учреждениями. Конечно, **с этим он никак не справляется.** Из его ведения, по мнению обследователей, должны быть из'яты все хозяйственные предприятия (театры, цирки и т. п.), которые следует передать местным УЗП.

Совет по делам искусства и литературы должен стать действительно идеологическим центром по руководству всеми вопросами искусства. Его необходимо реорганизовать, аппарат его орабочить.

Эти выводы, как и ряд других не менее существенных, будут внесены на окончательное их утверждение в комиссию по чистке всего аппарата Наркомпроса.

Памятник научной ошибке

I

Обостренное внимание, направленное сейчас на так называемый формальный метод, и неприязненность этого внимания легко об'яснимы.

Человек, который утверждает или утверждал, что классовая борьба не простирается на литературу, тем самым нейтрализует определенные участки фронта.

Говорить о ненаправленности сегодняшнего искусства невозможно. И, как будто, само собой интерес изучения в истории литературы переходит к наиболее направленным, так сказать, публицистическим эпохам.

В то же время оказывается, что и ненаправленность искусства, его разгруженность там, где она существовала, преследовала свои весьма реальные и направленные цели.

В то же время так называемый формальный метод нельзя рассматривать, как реакцию против революции.

Части первые работы появились в промежутке между четырнадцатым и семнадцатым годами.

Первые работы формалистов были направлены на создание типологии и морфологии литературного произведения.

В начальной стадии научного литературоведения подобная работа была необходима, но недостаточна, так как она представляла собою даже не анатомию литературных произведений, а протокол их вскрытия.

Абстракция литературного ряда от других социальных рядов была рабочей гипотезой, полезной для первоначального накопления и систематизации фактов.

Энгельс писал, что при изучении природы, истории или человеческой духовной деятельности взгляд исследователя сначала схватывает только общую картину многообразных соединений и взаимодействий.

«...несмотря однако на то, что этот взгляд верно схватывает общий характер всей картины явлений, но все же недостаточен для об'яснения частностей, составляющих ее, а пока мы не знаем их, нам неясна и общая картина. Для того, чтобы изучить эти частности, мы должны из'ять их из их естественной или исторической связи, рассматривая каждую порознь, исследуя ее свойства, ее частные причины, действия и т. д.» [1]).

Ошибкой явилось не рабочее отделение ряда, а закрепление этого отделения. Способ работы заключался в том, что я брал далекие примеры из литератур разных эпох и национальностей и доказывал их эстетическую однозначимость, т.-е. изучал произведения как замкнутую систему, вне ее соотнесенности со всей системой литературы и основным культурообразующим экономическим рядом.

Эмпирически в процессе изучения литературных явлений выяснилось, что каждое произведение существует только на фоне другого произведения, что оно понятно только в литературной системе.

Я включил это наблюдение в свое построение, не сделав из него основных выводов.

Это было ошибкой.

II

Возникновение литературных форм—массовый социальный процесс. За «Вечерами забавными», «Вечерами меланхолическими», «Вечерами сельскими», за «Вечерними часами» следуют «Вечера славенские» Нарежного и «Вечера на хуторе близь Диканьки» Гоголя.

Сравни также накопление однотипных псевдонимов в поэзии 60-х годов: «Обличительный поэт», «Скорбный поэт», «Темный поэт» «Новый поэт», и даже «Новый поэт 2-й».

Б. Эйхенбаум пытался произвести ревизию формального метода. Ревизия эта началась с правильной замены названия «формальный» метод названием—«морфологический» метод. Это изоавляло от двусмысленности самого выражения «формальный» и в то же время точнее указывало на способ анализа.

Поворотным пунктом в эволюции метода явились чрезвычайно важные работы Тынянова, который ввел в литературоведение понятие о литературной функции—разнозначности литературных элементов в разное время.

От первоначального, уже наивного, определения, что произведение равняется сумме приемов, здесь осталось очень мало. Части литературного произведения не суммируются, а соотносятся. Сама литературная форма при кажущейся своей однозначности оказывается одноформенной, но не однозначной.

Стала ясна невозможность изолированного изучения отдельных приемов, так как все они соотнесены между собой и со всей литературной системой.

Переходная точка зрения была не проста и сопровождалась у меня рядом рецидивов старого построения.

Главная трудность заключалась в определении взаимоотношений между литературным рядом — вообще между рядами так называемой культуры — и рядом базисным.

III

В романе Жюль-Ромэна «Донооо-Тонка» в городе, построенном из-за ошибки ученого, был поставлен памятник научной ошибке.

Стоять памятником собственной ошибке мне не хотелось.

Поэтому я попытался перейти к историко-литературным работам.

Первой моей исторической работой была книга «Материал и стиль в романе Льва Толстого «Война и Мир».

В книге меня интересовал вопрос о законах деформации исторического материала, обусловленных классовой принадлежностью автора. Целевая установка Толстого вела его к созданию дворянской агитки, к изображению победы дореформенной России дореформенными средствами.

Война 1812 года была в задании Толстого противопоставлена Крымской кампании.

Это было предложение произвести не реформу, а возвращение.

Современники Толстого понимали эту тенденцию романа. Любопытно отметить, что в карикатуре «Искры» (1868 г. № 16) пишущий Толстой изображен перед камином, на котором стоит статуэтка Наполеона, но не первого а третьего. В этой карикатуре Л. Толстой изображен спиной к зрителю. Лицо писателя еще не известно, но тенденция его ясна.

Далее идет очень важный вопрос об усвоении романом инерционных литературных форм. Я мало показал в книге (собираюсь это сделать сейчас), что весь беллетристический арсенал, которым пользовался Толстой, все положения романа были известны раньше по произведениям Ушакова («Последний из князей Корсунских») Загоскина («Рославлев»), Булгарина («Петр Выжигин») Вальтмана («Лунатик»), Петра Сумарокова («Кольцо и записка»).

Но у Льва Николаевича все эти традиционные ситуации имеют новую функцию и даны взаимодействиями, взятыми из поэтики натуральной школы. Роман иначе сопоставляет привычные романы и дает их в ином лексическом плане. Авторское намерение не было вполне выполнено. Классовые читательские группировки являются своеобразными резонаторами литературного произведения. Задание автора написать роман против разночинцев, так сказать, роман противореформенный, не удалось. Целевая установка автора не совпала с об'ективной ролью его произведения.

IV

Изучение литературной эволюции должно быть производимо при учете социального контекста, должно быть осложнено рассмотрением различных литературных течений, неравномерно просачивающихся в различные классовые прослойки и различно ими вновь создаваемые.

Эти предпосылки определили собою мою последнюю работу о «Матвее Комарове, жителе города Москвы».

Мне казался невыясненным вопрос о внезапном появлении русской прозы в 30-х годах 19-го века.

Отыскивая ее истоки, я установил ее связь с прозой 18 века. От Вельтмана через «Кащея Бессмертного», от Даля через сказку «О воре и бурой корове» я пришел к Михаилу Чулкову. От Толстого с его народными сказками, с его попыткой работать на мужика я пришел к Комарову.

Проза 18-го века имела массовый характер. Было много книг с довольно большими тиражами и с переиздаваниями. Проза эта обслуживала низший слой дворянства, купечества и часть крестьянства тяготеющего к мещанству.

Поднятие русской прозы, вероятно, об'ясняется поднятием класса, который она обслуживала. Русская проза в 30-х годах не появилась заново, а изменила свою функцию.

V

При изучении этих вопросов нужно помнить, что темп эволюции различных идеологических надстроек не должен непременно совпадать с темпом развития базиса.

Маркс в недоисанном «Введении к критике политической экономии» отмечал эти несовпадения.

«6.. неравное отношение развития материального производства напр. к художественному. Вообще понятие прогресса не следует брать в обычной абстракции... Но подлинно затруднительный пункт, который следует здесь обсудить, заключается в следующем: каким образом производственные отношения, как правовые отношения, испытывают неравномерное развитие.

Следовательно, напр., отношение римского частного права (к уголовному и публичному праву это относится меньше) к современному производству». [2]).

Так например в буржуазной Англии сохранились в неприкосновенности многие формы феодального законодательства. Во Франции же после революции старое римское право было приспособлено к новейшим капиталистическим отношениям.

Иногда это приспособление делается путем пародирования.

Так спародированные формы Пушкинского и Лермонтовского стиха были приспособлены Некрасовым и поэтами «Искры» (Минаевым, Курочкиным и др.) для создания обличительной гражданской поэзии. Не отдельное произведение, не отдельный образ сотнесены с социальным рядом, а литература как система.

Можно думать, что классическими произведениями часто называются именно те, которые утратили свою первоначальную целенаправленность, стали целиком инерционными формами.

Цензора старого времени хорошо это понимали. Цензор Ольдекоп (1841) был за трагедию. Он писал следующее:

«Вообще трагедию можно, подобно опере и балету, считать самой безвредной отраслью драматического искусства».

И в другом месте:

«Если трагедии предоставить более обширное поле, этим уменьшится влияние комедии. Публика, видевшая «Короля Лира» с меньшим участием будет смотреть «Ревизора». Нашед в трагедии удовольствие чисто литературное и художественное, она

Дискуссия о детской литературе

ОТКРЫТЫЕ ПИСЬМА М. ГОРЬКОМУ

I.

Многоуважаемый Алексей Максимович!

Группа отнюдь не титулованных советских писателей и работников по детской книге, которая всегда приветствовала и приветствует вашу борьбу с «титулованными» бюрократами и со всякого рода рутиной, однако, считает своим долгом подать голос в защиту талантливого педагога Е. А. Флериной, которую вы по какому-то недоразумению и без достаточных оснований зачислили в категорию зловредных чеховских людей.

В своей статье «Человек, уши которого заткнуты ватой», с такой горячностью осудив «наездничество» Д. Кальма, вы сами, к сожалению, погрешили тем же, и, вследствие недостаточного знакомства с современным состоянием детской литературы и педагогической деятельностью Е. А. Флериной, допустили ряд серьезных ошибок.

Прежде всего, по нескольким фразам из «статейки», по случайному совпадению заглавий двух совершенно противоположных по своей внутренней сути статеек, нельзя и не следует судить о человеке, о его многолетней и плодотворной педагогической деятельности. Если бы вы подробнее ознакомились с работами Е. А. Флериной, напечатанными в различных журналах и отдельными изданиями, то вы убедились бы, что ваше утверждение: «ребенок до десятилетнего возраста требует забав и требование его биологически законно» и т. д.—есть не что иное, как почти буквальные цитаты из книг Е. А. Флериной. Серьезность «игры» в советской педагогике давно уже стала трюизмом.

Дальше. «Будь бы Флерина более осведомлена в той области, которую она, если не по совести, то по должности, обязана знать, она вспомнила бы, что не один Пушкин учился русскому языку по песенкам и сказкам своей няньки, а что и Лесков, и Гл. Успенский, и многие дети, впоследствии творцы русского литературного языка, постигали красоту, силу, ясность и точность его именно на забавных прибаутках, поговорках, загадках у нянек, солдат, кучеров, пастухов».

Смеем вас уверить, что и «по совести», и «по должности» Е. А. Флерина знает все эти истины, тоже давно уже ставшие трюизмами, но знает еще нечто и большее, потому что уши ее не заткнуты ватой. Она отлично слышит, что современные пастухи и няньки поют совсем по иному и об ином и учат далеко вперед от своих классических собратьев пушкинской поры. И почему бы детям не учиться русскому языку у своих современников? К такому Протею, как русский язык, нельзя подходить только филологически. Когда детям в семье и в школе внушают, что собственность и кулачество — зло, нельзя им давать такую хоть и народную песенку, обработанную К. Чуковским.

Давай-ка, женушка,
Домок наживать.
Пойдем, голубушка,
На базар гулять и т. д.

Нельзя давать детям заучивать наизусть:

А нечистым трубочистам
Стыд и срам, стыд и срам...

И одновременно внедрять в их сознание, что работа трубочиста так же важна и почтенна, как и всякая другая. Нельзя детей приносить в жертву такой разноголосице и превращать их неустойчивое сознание в сумбур и «сапоги в смятку».

Против этой разноголосицы и восстает Е. А. Флерина в своей «статейке». Против той же разноголосицы направлено открытое письмо А. Б. Халатова к РАПП и всей пролетарской писательской общественности, в котором он отмечает, что «даже в той литературе, которую издаем мы сами, незаметно для нас скрыто и тайно протаскиваются иногда некоторыми писателями вредные и чуждые нам идейки и приемы», и призывает пролетарских писателей писать для детей «серьезно о серьезных вещах». Этого требуют сами дети в многочисленных письмах в редакции детских журналов, на конференциях и пионерских слетах. Наконец, даже такой яростный сторонник детских забав и народного творчества, как К. Чуковский, и тот, после вылазки в жизнь, принужден был на страницах «Литературной Газеты» отказаться от своих «старинных» Бармалеев, от устаревших приемов детского юмора. Он тоже намерен говорить с детьми «серьезно о серьезных вещах». Говорить «серьезно о серьезных вещах», кстати сказать, вовсе не значит читать детям нравоучения и наставления, полные пустых и мертвых сентенций.

Комедия Гоголя «Ревизор» есть «серьезный разговор о серьезных вещах».

Ваше расхождение с Флериной во взгляде на анекдот и сенсацию—тоже продукт явного недоразумения. «Почему ребенку нашей эпохи, — пишете вы,—нельзя рассказывать анекдоты о царских министрах народного просвещения, Толстом, Делянове, о гимназических учителях самодержавного строя, анекдотов о попах, о глупости некоторых наших современников и т. д.? Если журнал «Еж» сообщит детям о том, что в культурной Англии около сотни людей сожгли живыми в кино и что это были дети рабочих, это—«сенсация»? Иначе говоря, вы утверждаете возможность детской социальной сатиры, таких анекдотов, как «Ревизор» и «Мертвые души» Гоголя. К сожалению, журнал «Еж» знаменит не такими анекдотами, а пустым зубоскальством, анекдотами и сенсациями в чистом виде без примеси социальной сатиры. Журнал «Еж» знаменит такими бульварными лозунгами, как «Платите за журнал аккуратно и помните, что жизнь прекрасна», которые, в чем мы глубоко убеждены, не могут не вызвать и вашего самого горячего протеста.

Наконец, ваше правильное утверждение «Дети растут для будущего», однако, требует серьезной поправки. Они живут еще и в настоящем—в окружении жестокой борьбы старого с новым. Они сами участвуют в этой борьбе и испытывают на себе всю тяжесть сложнейших социальных противоречий. Они воспитываются жизнью и в жизни, а не в закрытых смольных институтах. И едва ли можно и нужно только забавлять их сейчас «крокодилами», прибаутками, песенками в надежде на то, что лет через пять все «серьезное», вся житейская грязь настоящего исчезнет и дети безболезненно войдут в светлое, безбурное царство социализма. Это уж слишком радужные мечты! Практика, к сожалению, говорит о другом, о длительной и упорной борьбе, которая предстоит нашим детям, нашей «смене». И эту «смену» мы должны подготовить к битве, воспитать не только творцов русского литературного языка, но и стойких борцов за социализм.

Этого требует жизнь. Эти требования слышит Флерина и в своей статейке призывает детских писателей не увлекаться пустыми забавами, а помочь стране воспитать детей надлежащим образом. Повторяем, только по недоразумению вы могли недооценить совершенно правильное выступление «Литер. Газеты» и зачислить в категорию титулованных бюрократов живого талантливого педагога. Мы надеемся, что вы исправите свою ошибку.

Б. Перес, А. Яковлев, А. Насимович, С. Федорченко, Р. Акульшин, Б. Шатилов, Л. Остроумов, С. Ауслендер, П. Арбатов, Е. Тарановская, А. Барто, Л. Веприцкая, А. Петрова, Л. Полова, Д. Горлов, Н. Шестаков, Л. Зилов, М. Баршева, Л. Тейн, С. Фомин, С. Зак, Н. Дмитриева, С. Гроссман, Е. Зак, Т. Кондратьева, Н. Касаткина, Т. Качкачева, Е. Кривоблодская, Г. Туганов, Т. Шевченко.

II.

Уважаемый Алексей Максимович!

Мое обращение к вам, всесоюзному старосте советской литературы, напоминая крыловскую басню, ставит меня в положение моськи, лающей на слона. В этой незавидной роли мне приходится выступить, чтобы отвести незаслуженную брань, которой вы мимоходом щедро наградили меня в статье, направленной против тов. Флериной и озаглавленной «Человек, уши которого заткнуты ватой». [1]).

Обозвав меня «малограмотным», «безграмотным» и «лживым», именуя мое выступление в «Литературной Газете» —«скандальным», «наездническим» и «глупым», вы приводите такой единственный конкретный пример моей безграмотности:

«Нельзя,—пишите вы,—печатать такие глупости, как заявление Кальма: «Маршак в книге «Три зверолова» повторяет прием из книги Ильфа и Петрова «12 стульев». Надобно знать, что «12 стульев» напечатаны в 1928 г., а «Три зверолова»—в 1923».

Даты обоих изданий мне хорошо известны. [2])

Но слова, приведенные вами в виде цитаты, я не могу признать за свои. В моей статье, помещенной в № 35 «Лит. Газеты», сказано следующее: «Есть у С. Маршака книжка «Три зверолова», которая, кстати сказать, повторяет классический прием Никифора Ляписа из «12 стульев» Ильфа и Петрова...» и т. д.

Поскольку здесь говорится о «классическом приеме» Никифора Ляписа, вымышленного героя сатирического произведения,—в этой фразе трудно усмотреть обвинение Маршака в плагиате у Ильфа и Петрова,—обвинение, которое вы без оснований мне приписали.

Мое выступление в «Лит. Газете» было вызвано антиобщественным характером работы одного из отделов Гиза. Оно было направлено против буржуазных течений в нашей детской литературе, возглавляемых К. Чуковским и С. Маршаком. Вы называете это выступление «травлей талантливого Маршака».

Но если принять вашу терминологию и быть последовательным, то можно сказать, что основное ядро нашей пролетарской литературы занимается систематической «травлей» таких талантливых писателей, как Б. Пильняк, таких талантливых критиков, как В. Полонский или Д. Горбов, таких талантливых литературоведов, как В. Ф. Переверзев.

Я до сих пор думал, что это не травля, а литературно-политическая борьба с различными право-оппортунистическими тенденциями в советской литературе. Я считаю, что в реконструктивный период пора, наконец, начать такую борьбу и в области детской советской книги.

Ваше авторитетное и сокрушительное выступление в защиту «людей, подобных С. Маршаку»—жестокий удар в этой борьбе: оно неизбежно усилит сопротивление реакционных группировок. Оно затруднит начатую борьбу за советизацию детской литературы. Но тем нужнее эта борьба, тем решительнее следует ее повести.

Д. КАЛЬМ.

[1]) «Правда» № 19, от 19 января 1930 года.

[2]) Кстати говоря, «Три зверолова» переиздавались Гизом до 1929 года включительно, а два месяца назад были включены в сборник избранных сочинений С. Маршака «Веселый час», разосланный подписчикам в виде приложения к ноябрьской книжке «Ежа», на что указывалось в моей статье «Факты и автографы», напечатанной в № 37 «Лит. Газеты».

НА „ДИСПУТЕ"

Прения по докладу о детской книге, перенесенные с 11 января, продолжались 23 января в Московском Доме печати.

Обсуждение вопросов детской литературы и на этот раз, к сожалению, не было направлено по принципиальному руслу.

Выступления тт. **Разина, Хвнина** и нескольких ленинградских писателей—сотрудников журнала «Еж»—свелись к необоснованному ошельмованию ряда московских детских писателей и «Литературной Газеты» с той только разницей, что на этот раз устроители «диспута» использовали статью Максима Горького, напечатанную в «Правде» от 19 января с. г. для своих целей и еще дальше отошли от принципиальной постановки вопроса.

Пионерработник **т. Серебрянников** и **т. Петров** (Электрозавод) пытались выправить линию «диспута» и поставить вопрос на принципиальную почву. Но эти единичные голоса потонули в хаосе высказываний.

Атмосфера подлинной травли некоторых детских писателей, в которой протекали прения, дала повод **т. В. Шкловскому** назвать диспут «фамильным», так как несколько фамилий непрерывно упоминались ораторами.

Некоторые ораторы требовали перенесения дискуссии о детской книге в рабочие аудитории. О таким требованием выступил, в частности, пионерработник **т. Соловейчик**, предложивший устроить такой диспут среди рабочих МОГЭС или Электрозавода.

«Нужно дать им возможность, — сказал он,—осуществить тот подлинный пролетарский контроль над литературой, о котором писал Ленин».

Д. К.

Постановление правления ВССП

(Московский отдел).

Правление ВССП считает, что детская секция ВССП вполне своевременно вынесла на обсуждение широкой общественности вопрос о положении детских писателей и об их взаимоотношениях с издательствами. Правление находит, что положение в детских отделах московских издательств нельзя считать нормальным, и то обстоятельство, что детская секция ВССП вынесла этот вопрос на обсуждение общественности, является положительным фактом.

Что касается выступления Ленинградского отд. ВССП, то оно по существу касается Ленгиза и к московским издательствам, как это указано в самом постановлении, отношения не имеет.

У писателей-краеведов

Первое собрание секции писателей-краеведов при Центральном бюро краеведения состоялось 12 января. В президиум секции избраны: тт. **Скосырев Сытин, А. П., Сытин, В. А., Сокольников, Дубровский, Шланов, Попов, Яковлев, Ловцов и Морозов.**

На том же заседании намечен план работы. Решено устроить выставку «Краеведение в художественной литературе», приступить к изданию альманаха, на что уже имеется согласие издва «Работник Просвещения», и провести несколько литературно-краеведческих вечеров.

Устанавливается связь с окраинами.

Секции писателей-краеведов организуются также в Иркутске, Иваново-Вознесенске и Ярославле.

Трибуна писателя

БЕЗ РУЛЯ И БЕЗ ВЕТРИЛ

КО ВСЕМ ЧЛЕНАМ РАПП

В «Литературной Газете» № 30 за 1929 г. помещена статья одного из теоретиков РАПП В. Сутырина «О хлебе насущном», представляющая собою попытку философски обосновать те принципы пролетарского художественного творчества, какие словом и делом (литературными примерами) пропагандируются руководством РАПП на протяжении ряда лет. Это целое художественное мировоззрение, которое теоретически увенчивает отдельные поиски и опыты ряда писателей, примыкающих к РАПП. Таким образом выкристаллизировалась почти законченная система литературно-художественных воззрений, целая литературная школа. Поскольку эта школа—пролетарская, она претендует на гегемонию. Поскольку эту систему создает РАПП,—она должна указать дорогу целому сонму молодых пролетарских писателей, всей растущей в будущее пролетарской словесной культуре. Какова же эта дорога, по которой РАПП хочет повести нас, настоящих и грядущих писателей победоносного рабочего класса, перестраивающего сейчас сверху донизу всю свою материальную и духовную культуру?

Художественное творчество пролетарское, как и всякое иное, разрешает две проблемы—идеологии и стиля. Идеология и стиль—две стороны одного процесса художественного воплощения, **они равнозначущи и равноценны**, их органическая слитность и взаимодействие присущи всякому подлинному искусству.

Известно эстетствующее, германское истолкование сущности искусства, согласно которому: не важно **что**, а важно **как**. Мы смели прочь это толкование со всяким иным аристократическим хламом. В пролетарском искусстве—искусстве будущего—**что и как** сливаются гармонично и неразрывно, его рабочим инструментом являются одинаково идеология и стиль, его художественный метод исходит из синтеза обоих этих начал.

Поэтому правильное, классовое, пролетарское понимание в вопросе о **стиле** столь же важно, как и в вопросах идеологии. А всякие уклоны, шатания и туманы в области стиля так же вредны и опасны, так же дезорганизуют пролетарскую мысль и искажают пролетарское миропонимание, как и шатания и уклоны идеологические.

Что касается идеологии, тут каждый пролетарский художник имеет достаточно выпуклые отправные точки, критерии императивные и четкие, понятия устоявшиеся и незыблимые, отточенный зонд пролетарского чутья. По части идеологии вопросы ясны и бесспорны.

Статья Сутырина начинается удивительным откровением. Он наивно и патетически восклицает: «я буду говорить о том, что многим покажется не имеющим никакого отношения к литературе. Я буду говорить... о диалектическом материализме!» Чувствуется, что сам Сутырин с энтузиазмом вступает во вновь открытую для себя Америку. Но какой же вузовец ныне не знает, что диалектический материализм имеет прямейшее отношение не только к литературе, но даже к прейскуранту цен МСПО?

По части идеологии—мы действительно имеем и применяем такой могучий реактив, как марксистский анализ, марксистский диалектический метод. Идеология пролетлитературы, это—диалектический материализм, это принципы выдержанного большевизма, идеалы классовой борьбы, Октября и коммунизма.

Ну, а **как** по части **стиля?** Вот здесь начинаются настоящие джунгли, здесь форменная Америка времен Колумба.

Мы, пишущие пролетарии из рапповских «низов», в простоте душевной считали, что «бытие определяет сознание», и что такая надстройка, как литературный стиль, не передвигается на эпохи в эпоху на манер какой-то вечной, бессмертной, блуждающей истины, а складывается на основе экономических, социальных, бытовых, психологических и иных факторов данного времени. Мы думаем, что стиль пролетарской литературы—это стиль нашей эпохи, эпохи величайших в истории социальных потрясений и невшеств, что наш слог,—это не слог Обломова и Чацкого, а слог буденовца и красного директора, что наш язык,—это не язык великосветских особняков и помещичьих усадьб прошлого столетия, **а язык Перекопа и Днепростроя.** Мы считали, что в эпоху гигантской динамичности общественных процесов и в эпоху торжества коллективизма нас должен интересовать не внутренний замкнутый мир человеческой «души» и не изолированные процессы его самодавлеющей психики, а коллективная психология, процессы коллективных мышлений и воли и личность—как неотделимая часть коллектива. Мы думали, что диалектический материализм (диалектический материализм Маркса, тов. Сутырин!) обязывает нас выявлять внутренний мир человека, работу его психики не путем ковыряний в его душе и выдумываний всяческих переживаний,—а «совсем наоборот»: выявлять внутренний мир личности через показ поступков, решений и реагирований человека, через призму коллективной психологии, через всю совокупность явлений окружающего его материального мира. Мы были убеждены, что показать «душу» человека,—это не значит показать сотношения клеток его мозгового вещества, а значит проследить человека в том потоке общественных отношений, который мчит его по руслу бытия. Мы знали, что динамика душевных сил вторит динамике сил социальных и через последнюю познается.

Это—принцип пролетарского искусства. РАПП—кормчий пролетарской литературы. Но стиль рапповского творчества ничего общего с этими принципами не имеет. В основе рапповского художественного метода лежат «психологический реализм» и искание «живого человека». В действительности это—термины, обозначающие углубленный психологизм и проблему самодавлеющей личности. Фетишизм изолированной психики, индивидуалистический примат «души» — отправная точка творческих приемов РАПП. Это не случайное заблуждение новаторства, не «грехи» искания, это сложившаяся система воззрений, литературная школа, уложенная в теоретическую схему и претворяемая в художественные образы.

Фадеев открыл эту «новую страницу» пролетарского искусства своим «Разгромом», вещью, которая и по внутренней методологии и по внешне-формальным признакам чрезвычайно откровенно воспроизвела (в эпоху пролетарской диктатуры!) типичные черты стиля Льва Толстого. К сожалению, некоторые критики расшумели и расславили «Разгром» именно как «новое слово», как некое откровение, и это гибельное обстоятельство раззадорило реставраторов психологизма и укрепило их позиции. Фадеев затем, обернувшись уссурийским Фенимором Купером, пишет «Последний из Удеге» (последний из могикан!), роман, написанный в тягучей манере, столь же далекой от нашей эпохи, как старомодный дилижанс далек от гоночного авто,—роман, заваленный целыми простынями созерцательных и нестерпимо-надуманных психологических «анализов».

Появляется «Поворот» Либединского,—по стилю крутой поворот на 180 градусов от эпохи Октября. Это образцовое произведение в своем роде—вещь, при очень слабых художественных данных, написанная в добром старом классически-интеллигентском «душе-искательском» стиле, по строго продуманной «психологической» шпаргалке, с бездной глубочайших проникновений и умопомрачительных «самоанализов».

Или вот Безыменский со своим «Выстрелом», — вещью. бесспорно, прекрасною по идее... но—как же можно в наше время из'ясняться с пролетариатом таким грибоедовским слогом? Ведь по форме это прямо новое издание «Горе от ума»! **Такую** революционную, насыщенную порохом, тему воплощать в подобные тяжеловесные тирады, в сплошной набор нравоучительных сентенций и лже-классических изречений!

Вот образцы рапповского стиля.

Встает вопрос: какой же это стиль? И **чей** это стиль? РАПП отвечает: это стиль... **общечеловеческий.** Да, отвечает именно так—всей своей установкой. К этому сводится все, что высказывалось властями «психологического реализма». Теперь появляется статья Сутырина, который «деракой рукой» подытоживает, узаконяет и философски обосновывает идеи РАПП. Статья Сутырина построена по гегелиански—тезис, антитеза, синтез.

Тезис: современная пролетарская литература чужда диалектического материализма. Антитеза: материализмом и диалектикой насыщены художественные методы Льва Толстого. Синтез: современная литература воспринимает диалектический материализм Толстого и тем самым становится истинно-пролетарской.

Сутырин пренаивно полагает, что если у Толстого материализм в понимании природы вещей и диалектический ход мышления, то на-лицо—диалектический материализм.

Маленькая ошибка, тов. Сутырин. Простое механическое соединение этих двух, вполне самостоятельных, понятий отнюдь не образует понятия диалектического материализма. Это тоже известно всякому вузовцу. **Диалектический материализм**,—это, во-первых, **исторический материализм**, ибо он, исходя из природы вещей, **об'ясняет природу исторических процессов. Толстой** в об'яснении природы исторических процесов насквозь фаталистичен и по существу метафизичен. Во-вторых, диалектический материализм,—это такое мировоззрение, которое все явления материального и духовного мира, всю совокупность бытия рассматривает в их целостном сочетании и взаимодействии и подчиняет их общему закону единства противоположностей, закону диалектического развития. Материализм Толстого—иной.

Его материализм — физиологический материализм, при чем даже в этой узкой области приемы его творчества пестрят чисто идеалистическими срывами и отступлениями, это общеизвестно. Толстой—фаталист и метафизик, чистейший идеалист по своим философским воззрениям, эклектичен в своих приемах творчества. Его диалектика, — это не марксистская диалектика мышления. А Сутырин, теоретик РАПП, зовет пролетариат итти к Толстому учиться диалектическому материализму! Эта статья Сутырина уснащена самыми вульгарно-оппортунистическими вывихами. Он договаривается, например, до таких перлов, что будто бы идеалистическая философия того или другого буржуазного художника «в процессе его творчества опрокидывается теми действительными законами диалектического материализма, которые управляют жизнью». И чаще всего, мол, это происходит с большими художниками, которые в таких случаях стихийно «прорываются через свое антиматериалистическое и антидиалектическое сознание».

Никуда, уважаемый Сутырин, они не прорываются, эти ваши маститые художники. А тем менее—«через свое сознание». Ежели он буржуа, так буржуем и подохнет. А вот вы действительно прорываетесь прямо в апологеты буржуазного искусства. Но такие прорывы происходят весьма часто и целыми пачками, Сутырин не уникум в этом деле.

Впрочем, его статья просто политнеграмотна. Однако, она, хотя в вульгаризированном виде, подытоживает литературные достижения школы Авербаха, Фадеева, Либединского и др. Теоретические установки РАПП в вопросах литературного стиля сводятся к прямой апологии буржуазной словесной культуры. Художественные воззрения РАПП — это художественный оппортунизм, возврат к прошлому, реставрация классической художественной формы, признание каких-то вечных, надклассовых, общечеловеческих основ искусства. Мы отмечали, что художественный стиль — это не пустяк; стиль, наравне с идеологией, определяет классовое лицо искусства. Оппортунизм в вопросах стиля толкает РАПП все дальше и дальше в оппортунистические дебри, перебрасывается в область организационную, затемняет политические горизонты.

Недаром же РАПП (пролетарская организация!) гостеприимно открывает двери таким интеллигентско-мещанским элементам, как Шолохову, творцу казацко-кулацкой эпопеи, как Семенову, автору насквозь мещанской «Натальи Тарповой», как Киршону, автору не менее мещанского «Города ветров». И прикармливаются около РАПП они, невзирая на свою классово-чуждую природу, только потому, что их сближает формальное родство. Оппортунизм художественный роковым образом сочетается с оппортунизмом идейным, с политической слепотой. Налицо—органический порок идейной близорукости и такие, например, ее проявления, как полное искажение политической перспективы в «Выстреле» Безыменского, где огромная фигура партбюрократа вырастает каким-то фантомом, закрывая совершенно собою важнейшие внутрипартийные проблемы и угрожая поглотить чуть ли не всю партию.

Старое искусство проникнуто индивидуализмом, эгоцентризмом и идеалистической философией, как и породившее его буржуазное общество. Буржуазные художники сосредотачивают свое внимание на изолированном суб'екте, самодавлеющей индивидуальности, на «личности в себе», на ее психике, на ее рефлекторных движениях, на «диалектике души». Они изолируют личность от диалектики общественного процесса и от законов коллективной психологии, потому что они индивидуалистичны и метафизичны по своей буржуазной природе.

Зовя к ним на выучку пролетарскую литературу, теоретики «психологического реализма» и «живого человека», хотят они того или не хотят, скатываются на оппортунистическую и по существу реакционную платформу в области словесной пролетарской культуры. И туда они тянут или хотят потянуть за собой всю массу пролетарских писателей, которых, по их мнению, они опекают.

Откуда это идет и какая тому причина? Причина та, что руководство РАПП плавает без руля и без ветрил. А это приводит обязательно и неизбежно к принципиальному сумбуру и неразборчивости.

Пролетарская литература имеет кадр старых бойцов, закаливших свою мысль и свое перо в горниле трех революций. Но этот кадр разбросан по разным литературным организациям и стоит далеко от РАПП. А в руководстве РАПП сосредоточены разнородные, случайные элементы, без большой литературной школы, без классовой закалки, слабо подкованные теоретически, чему примеры здесь приводились. Вот почему руководство РАПП плывет без руля и ветрил, черпая бортом мутную водицу беспринципности.

Должны ли мы все, экипаж рапповского корабля, безмятежно плыть, куда влекут нас капитаны с Тверского бульвара? Я, например, не могу следовать этим галсом. Крен на правый борт вызывает у меня морскую болезнь. Поэтому я выбрасываю сигнал бедствия—к рапповским массам, к активу пролетписателей, к рабочей читательской общественности, к партийной критической мысли.

Е. БРАЖНЕВ—ТРИФОНОВ.

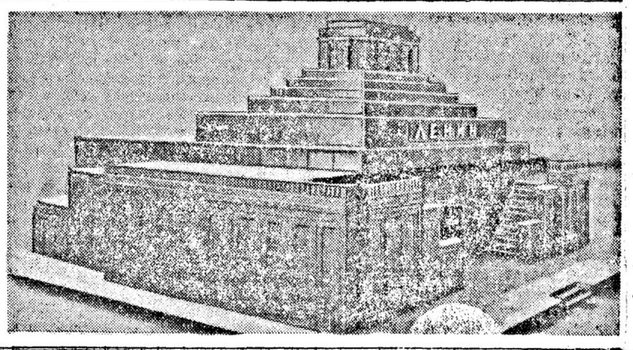
Сегодня – день похорон В. И. Ленина.

Смерть вождя

(Отрывок из поэмы)

Молчаливо и суров
Он крепится, он тверд, он не сдал.
Возле Дома Союзов, у дымных костров,
Он с полуночи в очередь стал.
Эта очередь так бесконечна была —
Это толпы и толпы — ну, да!
В этой очереди вся Россия плыла
К черно-белому дому, туда,
Где, под ревы окрестных, под медленный гул,
Не касаясь винтовкой плеча,
Как винтовка прямой, охранял караул
Ледяную постель Ильича.
Клонит люстры над ним беломраморный зал,
Ветви пальм бронзовеют над ним,
И плывущих теней затекают глаза
Им одним, им одним, им одним.
Что, товарищ Петров? Ноги скованы льдом,
Облушился морщинистый рот,
Но уж близится дом, раздвигается дом —
Коридоры, колонны и вот:
Кто-то громко вздохнул. Кто-то плакал. А он
Стиснул пальцы немеющих рук —
Он не видел подернутых крепом колонн
И венков погребальных вокруг...
Только выпуклый профиль, усталый такой.
Только (музыка, стой, не гуди!)
Только руки, ушедшие в вечный покой,
Только орден на впалой груди...
. . . . . .
Рано утром, нежданной бедой сражена,
Дверь открыв непослушным ключом,
Успокоив детей, торопилась жена
За районным советским врачом —
Муж одетый сидит, муж, как мертвый глядит,
Муж твердит непонятно о чем!
А Петров, раскаленную ткань теребя
На костлявой и желтой груди,
Задыхался:—Ильич наш, я понял тебя,
Опи спокойно, Ильич, уходи—
Мы сомкнемся — тверды, мы утроим ряды...
Почему так темно впереди?
Дни кружились, недели летели, и вот
Больше прежнего худ и землист,
Он пришел в комнатенку к себе на завод.
Он разгладил засаленный лист:
— У станка двадцать лет...
Написали билет.
— Ну, Петров, ты теперь коммунист!
Инструменты разложены в сумрачный ряд,
Шелестят и отрутся ремни,
Инструменты с ремнями о чем говорят—
Целый мир извещают они!
Если сдал инструмент—перерыв на момент —
Нужно многое переменить!
Ну, а если усталостью спину свело,
Если ломит работа бока,
Он отложит на миг голубое сверло,
Он захватит цепоть табака:
Он затянется всласть—За рабочую власть!
И согнется опять у станка.

НИКОЛАЙ ПАНОВ.



В ЛЕНИНСКИЕ ДНИ

Рабочие тысячами вступают в партию. Всюду организуются многочисленные ударные бригады. Рабочие капиталистических стран организовали митинги и демонстрации

Ленинские дни всколыхнули рабочие массы СССР и заграницы.

Энтузиазм и готовность рабочих стать в ряды строителей социализма выразились в массовом вступлении рабочих в партию Ленина и создании ударных бригад.

Рабочие с большим производственным стажем, квалифицированные металлисты, текстильщики, шахтеры и др. цельными цехами идут в партию. По далеко неполным данным, на 24 января по РСФСР и некоторым напреспубликам число поданных заявлений достигает 47.672 чел. Один Коломенский завод дает 3.613 бойцов за коммунизм!

В городах, на заводах, в совхозах и колхозах передовые трудящиеся включают себя в ударные бригады социалистического строительства. Нет никаких сомнений, что призыв ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ о ленинском наборе 500.000 ударников будет выполнен с превышением.

***

За рубежом, в странах капитала ленинские дни ознаменовались рядом демонстраций рабочих, распространением прокламаций, листовок, посвященных Ленину и СССР.

В Шанхае 18 и 19 января происходили многочисленные демонстрации рабочих и студентов в знак солидарности с бастующими рабочими американского предприятия «Чайна Эдисон». В распространенных в большом количестве прокламациях отмечались годовщина смерти Ленина и его заслуги перед китайской революцией и народами Востока. В Берлине в связи с шестой годовщиной смерти Ленина «Роте-Фане» вышла в увеличенном объеме. По всей Польше происходили бурные выступления рабочих на улицах, как и следовало ожидать, не обошедшиеся без убийства и арестов рабочих.

В Германии, Австрии, Болгарии, Америке,—всюду происходили демонстрации, собрания, которыми рабочие отмечали шестую годовщину смерти вождя международного пролетариата.

Леонид Андрусон

В ленинградской больнице имени Эрисмана 19 января умер от паралича сердца поэт и переводчик Леонид Иванович Андрусон.

Покойный родился 5 августа 1875 года. Учился в Нарвской гимназии, но из восьмого класса был исключен за чтение нелегальной литературы. В 1897 году был арестован.

Литературная деятельность Андрусона началась в 1899 году переводами Гейне и Баумбаха. Популярностью пользуются его переводы Бернса. Андрусон сотрудничал в повременных изданиях, и имя его, как поэта, в дореволюционные годы было весьма популярно. Как поэт—Андрусон принадлежит к лирикам фофановского толка. Отдельными изданиями у Андрусона вышли две книги: «Сказка любви» (1908) и «Стихи» (1921).

Похоронили Андрусона 23 января на литераторских мостках Волкова кладбища.

ВЛАДИМИР СМИРЕНСКИЙ.

В чем мы расходимся с Полонским

II*

Вопрос о творчестве.

Полонский в «Лит. Газете» пишет: «В полном согласии с марксизмом я утверждал, что художественный образ создается не одной только логической способностью, что одной логикой художественного образа не создать, что образ — создание всей сознательной и чувственной сферы человека».

А что говорилось в моей статье «О идеологии творчества»? Подчеркивая словами Гейне, значение в творчестве **плана**, т.-е. сознания, мышления,—я писал: «Этим вовсе не отрицается значение в творчестве писателя подсознательного, иррационального, чувственного. Но это значит, что творчество писателя есть прежде всего **сознательный процесс**, процесс глубокого анализа того материала, который берет **художник** для своих произведений».

Разве не ясно сказано? Ясно. Речь шла не о различии между двумя формами мышления—научного и художественного, а о том: управляет ли сознание творчеством писателя или же, наоборот, сознание подчинено подсознательному. Вот как был поставлен вопрос, который имеет огромное принципиальное значение.

И тут надо было Полонскому или опровергнуть меня или согласиться со мной, а не прятаться за научное, логическое мышление. Зачем же было приписывать мне то, чего нет в моей статье?

Как ни наивен иногда бывает Полонский, но все же мы считаем его не настолько наивным, чтобы он предполагал, что только ему одному известно плеховское определение двух видов творчества: научного, как логического, и художественного, как образного. Очевидно, «умысел другой тут был».

Посмотрим, каково же у него «согласие с марксизмом». Полонский в той же статье, чтобы повергнуть Батрака во прах, тащит за волосы себе на помощь Плеханова: «Плеханов, например, говорил, что Лев Толстой был гениальный художник и плохой мыслитель. Ту же мысль Плеханов проводил в статье «Сын доктора Стокмана», о Гамсуне. То же сказал он о Гоголе. Совсем ясно повторил он эту мысль в предисловии к третьему изданию сборника «За двадцать лет», в последних строках посвященных «Исповеди» Горького. «Горькому,—писал Плеханов, — мало годится роль проповедника, т.-е. человека, говорящего преимущественно **языком логики** — в отличие от «художника», т.-е. человека, говорящего преимущественно языком образов. (Курсив Плеханова). Ясно, кажется?»

Поглядим, насколько это ясно. Почему был Толстой плохим мыслителем, достаточно всем известно,—тут дело не только в слабости его логики, но и в реакционности его взглядов. Поэтому гораздо существенней послушать, что говорил Плеханов о Горьком. «В своей «Исповеди», — говорит Плеханов в упомянутом предисловии, — Горький стал на ту наклонную плоскость, по которой раньше его скатились вниз такие гиганты, как Гоголь, Достоевский, Толстой. Удержится ли он от падения? Сумеет ли он покинуть опасную плоскость? Этого я не знаю. **Но я прекрасно знаю, что покинуть эту плоскость он может только при условии основательного усвоения им марксизма»** (Подчеркнуто нами. **И. Б.**).

Вот как ставил вопрос Плеханов по-марксистски. Горький становился на опасный путь богоискательства. И дело вовсе не в том, что он не мог облечь свою идею в художественную форму, а в том, что это была «ошибочная», реакционная идея.

Почему Плеханов осудил пьесу Гамсуна «У царских врат», в статье «Сын доктора Стокмана»? За «ошибочную», реакционную, человеко-ненавистническую идею, призывавшую к «истреблению» пролетариата, потому что в характере Карено (главное действующее лицо пьесы. **И. Б.**) художественная правда совсем отсутствует», потому что это —патологический тип «Здоровые люди, — пишет Плеханов, — обнаруживают великое самоотвержение лишь под влиянием великих идей. Идея «истребления» пролетариата не может вдохнуть самоотвержения уже по одному тому, что сама она порождена чувством прямо противоположным самоотвержению: доведенным до нелепой крайности эгоизмом эксплоататоров».

А в другом месте по поводу этой же драмы Плеханов говорит: «Огромные недостатки драмы у «Царских врат» являются естественным следствием полной несостоятельности ее основной идеи» (Плеханов «Искусство и общественная жизнь», т. XIV, стр. 152).

Реакционная идея, воплощенная в художественные образы, публицистические статьи или поповские проповеди, одинаково неприемлемы для пролетариата—этой самой передовой части современного человечества. Плеханов весьма категорически заявляет на этот счет. В большой статье «Искусство и общественная жизнь» он пишет: **«Когда талантливый художник вдохновляется ошибочной идеей, тогда он портит свое собственное произведение. А современному художнику невозможно вдохновиться правильной идеей, если он желает отстаивать буржуазию в ее борьбе с пролетариатом».** (Подчеркнуто нами. **И. Б.**) (Плеханов, т. XIV, стр. 160).

Но почему тов. Полонский не привел примера с Чернышевским, о котором Плеханов написал специальное исследование?

Плеханов не осудил Чернышевского, как мыслителя. А ведь Чернышевский в романе «Что делать?» высказал те же мысли, что и в статье «Антропологический принцип в философии». Почему же Плеханов не осудил Чернышевского? Потому что идеи, высказанные Чернышевским и в художественной и публицистической форме, являлись передовыми идеями своего времени. Этот пример показывает, с одной стороны, различие между двумя формами мышления: научного и художественного (такие же примеры мы найдем у Л. Толстого, Достоевского и др.) и, с другой—что художественное творчество, базирующееся на чувстве, есть **сознательный процесс.**

«Искусство»,—писал Плеханов,—начинается тогда, когда человек снова вызывает в себе чувства и **мысли**, испытанные им под влиянием окружающей его действительности, и **придает им известное образное выражение.**

А вот как этот творческий процесс изображает Полонский: «В создании его (т.-е. «образа») принимают участие и рассудочная стихия человека, но чаще всего и больше всего та, еще научно не исследованная область подсознательного, где накапливается чувственный опыт, рефлексы условные и безусловные, которыми, как капиталом, частью наследственным, частью приобретенным, распоряжается человек». И все это, по Полонскому **«неизменяемые волей особенности».**

Весь центр тяжести, таким образом, перенесен им в полный подсознательного. Получается полный произвол стихии. В применении к крестьянскому писателю, которому необходимо переделывать свою психику и переходить на точку зрения рабочего класса, это создает безвыходное положение. Психика переделке почти не поддается, потому что «когда мы имеем дело с искусством, мы имеем дело с мироощущением писателя, с тем, что лежит в его крови, в его **неистребимых** (подчеркнуто нами. **И. Б.**) привычках, в его психологии, не только в рассудке, но и во всем его существе». Более тут изменить ничего нельзя.

Картина получается очень мрачная. Воистину, веет от нее каким-то средневековьем.

Плехановым здесь, как мы видим, и не пахнет. «Согласия с марксизмом» у Полонского никакого не получается. Но может быть «согласие» есть у него с естествознанием, на которое он пытается опереться. Заглянем мы и туда.

Акад. В. Бехтерев в своей книге «Общие основы рефлексологии человека» (издание третье, 1926 г.) в главе XXII «О творчестве с рефлексологической точки зрения» говорит, что как при научном, так и при художественном творчестве «ставится прежде всего проблема». При чем ответ на эту проблему в этой форме творчества (т.-е. художественной. **И. Б.**) может быть в большей мере бессознательный (или интуитивный), нежели подсознательный. Он выявляется здесь в форме картин, преображающих соответственным образом окружающий мир».

В соответствии с этим Бехтерев различает два вида творчества:

«1. Безсознательный или

РОЖДЕНИЕ НОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

НА С'ЕЗДЕ ПРОЛЕТПИСАТЕЛЕЙ УДМУРТИИ

Удмуртов — 500.000 человек. Российская империя называла их чужим именем: вотяками, как мари—назывались черемисами, коми—зырянами.

Удмурты — небольшой островок угрофинской семьи в славянском и монгольском окружении.

Удмуртов так же, как и коми и мари, огнем и мечом крестили православные миссионеры, а чтобы их сделать истинно верующими, строили в обилии церкви, чтобы превратить их в русских, давали чисто русские фамилии и имена.

Может быть «во имя высшей цели»—забыли совершенно о постройке школ, искоренения всякую удмуртскую культуру.

***

На всеудмуртском с'езде революционных писателей присутствовали почти все значительные силы ВУАРП (Всеудмуртская ассоциация пролетарских писателей, входящие в РАПП), отсутствовали самые правые, которых давно уже вычистила из своих рядов ВУАРП.

С'езд, который продолжался целую неделю, являлся не только парадом сил ВУАРП, но своеобразным семинарием для низовых слоев писателей Удмуртии, приехавших из глухих сел области.

Актив удмуртской литературы насчитывает еще пока только несколько имен, но желание, страстное желание творить, знать, строить новую жизнь чувствовалось во всех выступлениях на с'езде.

***

Какие течения имеются в настоящее время в удмуртской литературе?

Правые элементы в удмуртской литературе, это—национально-буржуазные (в Удмуртии—группа кулацкая). Середина называет себя крестьянской, революционной, а левое крыло, это—пролетарская тенденция.

По формальным признакам правые увлекаются лефистскими и отчасти конструктивистскими мастерами, которым пытаются подражать. Остальные еще в плену национальных форм, некоторые идут по линии пролетарских мастеров.

***

Во главе течений, отмеченных с'ездом, как национально-буржуазные, стоит несомненно талантливый поэт Кузабай Герд.

Герд по тематике и по идеологии всех произведений является действительно проводником идеологии мирного врастания кулака в социализм. Герд поет о славном прошлом, от которого никак нельзя уйти, поет о классовом мире. Герд является одним из выдающихся лингвистов из удмуртов, Герд кончает советское высшее учебное заведение, и для него действительно является громадной трагедией, что он никак не может уйти из под влияний прошлого, не может понять сущности происходящей в настоящее время борьбы.

Вокруг Герда (очень популярного в Ижевске) образуется группа и происходит законная диференциация сил.

С'езд с радостью провожает «правых», их уход не производит смущения.

Основные силы ВУАРП складываются из **Богай Аркоша**, широко известного детского писателя, **Кедра Митрейя, Ашальги Оки, П. Ильина** (поэтов) и молодого пролетписателя **М. Волкова**, автора «Забойщик Петров», повести, аналогичной «Цементу».

Остальные — **молодежь. Горячая**, трогательная, но о которой еще рано упоминать. Есть несколько начинающих писателей—женщины.

Самые оживленные прения развернулись вокруг доклада РАПП и в особенности вокруг вопросов критики.

Это был ряд идеологических сражений. Последние бои уходящих из организации. Критики и идеологи ВУАРП—**Бурбуров, Бажанов и Иванов** выдержали бой. На с'езде присутствовал и выступал секретарь областной парторганизации **Егоров**. Это обстоятельство во многом подняло авторитет с'езда...

Боюсь вам рассказать, какие самые больные вопросы у удмуртской «литературы». Сейчас пишу это слово в кавычках потому, что здесь идет речь о гораздо большем.

Удмуртские школы до сих пор не имеют букваря!

Удмуртский язык еще не собран. Литературного языка, строго говоря, нет. Язык в повседневной и газетной речи на каждом шагу заимствует из русского И все то, что я выше указал, все же существует. Существует и удмуртская литература, классовые проблемы в ней, классовая диференциация.

Удмуртская литература идет от перепева старых народных мотивов к более высоким формам, через эпигонов советской литературы к самостоятельным классовым темам.

МАТЭ ЗАЛКА.

НАШ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ИМПОРТ

Свое вступительное слово на пленуме секции переводчиков при ФОСП **А. В. Луначарский** начал вопросом: **нужна ли нам переводная литература?** И продолжал:

— В партийных и около партийных кругах существуют мнения, что западно-европейская литература может ввести к нам буржуазную идеологию и, следовательно, эта литература принесет вред. Но говорить так, значит говорить о разрыве культурной связи между нами и заграницей, о своего рода постройке какой-то «великой советской стены». Такой взгляд в корне неправилен. Мы являемся авангардом человечества и мы должны изучать социальную жизнь Запада. Искусство есть вернейший показатель этой жизни. Мы можем сказать: да, в своей массе эта литература вредна и отбирать ее должны круги специалистов-общественников. Есть мнение, что нам в области литературы учиться нечему. Но спорить не будем—прошлого у западной литературы больше, чем у нашей, и теперь там делается многое, мимо чего нам пройти нельзя.

Нам нужно знать о новых приемах и методах литературы Запада. Вне зависимости от своего содержания произведения могут быть технически прогрессивными. Неверно, что мы не должны учиться стилю. Наш стиль будет соединением советского революционного размаха и американской деловитости. Мы сможем экспортировать свой стиль по части революционного размаха, но по части американской деловитости — это уже импорт.

Переводить мы должны не только пролетарскую, но вообще революционную литературу. Не даром же международное бюро пролетарской литературы реорганизовано в бюро революционной литературы.

Книги, невыдержанные идеологически, необходимо сопровождать комментариями. Комментарии помогут читателю, не позволят впасть в заблуждения.

Планы издательств Зиф и «Академия» строятся именно на этих принципах.

М. Залкинд в своем отчете указал, что по издательству Зиф листаж на 1930 г. для переводной литературы равен 1.600 печатным листам, что составляет приблизительно 90 авторских листов в месяц. По «Академии» на переводную литературу дается 10 млн. оттисков. Оба издательства как Зиф, так и «Академия» находятся сейчас в переходном положении. Если в прошлом году почти весь листаж Зифа занимали собрания сочинений и приключенческой литературе отводилось не мало места, то теперь под собрания сочинений пойдет лишь 30 проц. всего листажа. За счет этих 30 проц. будут издаваться Драйзер, Келлерман, с которыми уже заключен договор, и частью Золя и Франс. Остальные 60—70 проц. идут под новинки.

Намечено охватить переводами все страны, где есть революционное крыло писателей. Американская литература представляет сейчас наибольший интерес так как она ставит большие проблемы и не боится радикально их решать. Большой процент падает и на Германию и Англию. Во Франции, литература идет под знаком преимущественно стилистических исканий. Она частично будет печататься в «Академии».

План Зифа является в этой части подвижным планом и для каких-нибудь неожиданных новых книг всегда найдется свободный листаж. Зиф принципиально решил издавать исключительно новые переводы, так как язык старых сильно отстал от эпохи

С докладом о плане переводной литературы издательства «Академия» на 1930 год выступил **И. Ионов**, отметивший, что «Академия» будет продолжать выпуск в свет художественных шедевров мировой литературы. Достигнутые в этом отношении результаты еще недостаточны. «Академия» считает необходимым, продолжая выпуск западноевропейских классических произведений всех эпох, представить советскому читателю также классиков национальных литератур, в первую очередь восточных.

«Академия», равно как и Зиф, считает важным шагом образование секции переводчиков при ФОСП, как компетентной общественно-писательской инстанции, которая может помочь делу издания переводной литературы.

И. Ионов выразил пожелание, чтобы в секции переводчиков были поставлены критические доклады о наиболее выделяющихся явлениях западной литературы.

По докладам издательства выступили с критическими замечаниями тт. **Гейнц-Каган, Грифцов, Живов, Эйхенгольц, Ланн, Эфрос, Займовский, Ромм** и др.

Выступавшие указывали, что как Зиф, так и «Академия» находятся сейчас на переходном этапе. Недостатки прошлой деятельности в особенности случайность выбора произведений и использование старых переводов ныне устраняются. Общая продукция несомненно качественно повышается. Все же в планах текущего года есть еще элементы случайности.

Чрезвычайно ценна восточная серия «Академии». Следует также уделить сугубое внимание изданию работ по методологии переводческого дела. Вышедшая в «Академии» книга «Искусство перевода» положила этому начало, но ее одной совершенно недостаточно. Надо подчеркнуть также отсутствие в планах обоих издательств книг «Малых художественных форм» — новелл, рассказов, стихотворных антологий.

В принятой по докладам резолюции секция переводчиков констатирует **ценность планов «Академии» и Зифа на 1930 год**, несмотря на отдельные их недостатки и выражает пожелание расширения их в особенности по линии **национальных литератур Востока** и малоизвестных шедевров западных классиков, указывается на необходимость издания «Академией» трудов историко-литературного и художественно-политического порядка, в частности работ, посвященных проблемам искусства переводов. Секция считает желательным установление постоянного контакта с издательствами в отношении оценки выдающихся переводных работ.

О. АФАНАСЬЕВА.

ВЕЧЕР ПАМЯТИ ГЕРЦЕНА В ГАХН

Вечер открыл **П. С. Коган**. В своем коротком вступительном слове он выявил одну характерную черту Герцена родящую его с современностью,—ненависть Герцена к мещанству.

— Герцен всегда был против буднично мелкого и подчеркивал это в своих произведениях. Он глубоко понимал, что сосредоточение в себе, в своей личности, отделение от коллектива, — это есть мещанство. Надо жить жизнью и интересами коллектива.

До сих пор еще личность человечества сохраняет в себе элементы мещанства. Без антимещанских художественных произведений этого фронта не завоевать, поэтому Герцен для нас не только славное прошлое, но и настоящее.

Л. И. Аксельрод (Ортодокс) говорила о Герцене, как о социалисте-утописте. Разделяя социалистов-утопистов на революционных и реакционных, Аксельрод причисляет Герцена к первым. Интересно, что Герцен был последователем Сен-Симона, взгляды которого гораздо материалистичнее Фурье и Оуэна.

Он ищет экономическую базу и находит ее в русской поземельной общине. Хотя базисы неправильны, принцип был верен. С современной точки зрения революционные социалисты-утописты ценны, как предшественники научного социализма.

— Мы материалисты-атеисты—заключила Аксельрод,—но у нас есть свой Олимп, это дорогие могилы людей, энергично работавших и давших много ценного. И могила Герцена занимает там не последнее место.

О. А.

ГАХН РЕОРГАНИЗОВАНА

Марксизм признает об'ективную ценность науки, так как влияние классовых интересов определяет смысл только ошибочных или ложных положений».

Как вам нравится такой философический перл?

Есть и получше. Например:

«К разрешению проблемы о роли личности как в истории, так и в искусстве нужно подходить диалектически: теория великих личностей—тезис, теория масс—антитезис, а истина—в золотой середине».

Такие «истины» изрекали в своих работах взрослые аспиранты Государственной академии художественных наук.

В настоящее время президиум РАНИОН в систему институтов которой вошли и ГАХН, проводит полную реорганизацию академии и проверку ее научного состава. Президиум РАНИОН обновил состав президиума ГАХН, который сейчас уже утвержден Наркомпросом.

Поскольку академия превращается в один из научно - исследовательских институтов РАНИОН, возглавлять ее будет не президент, а директор—проф. П. С. Коган. Заместителями директора назначены тов. Мада и тов. Морозов; ученым секретарем утвержден тов. Амаглобели; членами президиума—тт. Сакулин, Челпанов и Пельше.

Президиум РАНИОН совместно с новым президиумом ГАХН, уже приступившем к практической работе, пересмотрел весь личный состав академии.

В результате из 77 действительных членов утверждены всего 34. Из 25 научных сотрудников оставлено только 9 человек.

В число научных работников включены 8 молодых ученых марксистов, окончивших институты РАНИОН.

Д. Ш.

Как мы работаем

Ударные бригады писателей

Опыт ленинградской „Кузницы"

Ленинградская «Кузница» об'явила себя ударной литературной бригадой по освещению важнейших вопросов строительства и быта СССР в художественной литературе.

Первый опыт в этой области «Кузница» проделала 4 месяца назад: бригада изучила ряд ленинградских предприятий и составила сборник, посвященный социалистическому соревнованию. Большинство очерков и рассказов прошло через страницы «Журнала для всех», «Резца» и др. изданий. Но, самый сборник «Гудки Ленинграда» постигла печальная участь: он три месяца парился под сукном лентитизовских столов, и в итоге никому неведомым путем попал в... Дом печати без отзыва, без ответа.

Темой для **второго опыта** ударная литературная бригада наметила: освещение работы и быта ударных бригад, цехов и заводов. Был создан штаб ударной бригады, являющийся одновременно походной консультацией и первичной редколлегией, и намечено 39 предприятий, подлежащих внимательному обследованию.

Итоги работы второй бригады будут об'единены в один тематический сборник. Фамилии авторов, принимавших участие в его составлении, будут указаны только впереди всего сборника, чтобы не разбивать единство материала. В сборник войдут рассказы, очерки, стихи и поэмы об ударниках. Лучший и худший материал будет подробно разобран на творческих занятиях группы.

Большинство ударников говорит, что по тому обилию живого человеческого материала, с которым они встретились на местах, — надо бы писать не очерки и рассказы, а повести и романы, но охватить сейчас все — нет сил. Записные книжки и блок-ноты разбухают от обилия новых, будущих тем. Работа в бригаде приучает к наблюдательности, к схватыванию самого главного, нужного для данной темы, и к наметкам новых тем.

Встречают ударников на предприятиях хорошо. Правда, в этой работе, как и во многих других, не обходится и без курьезов. Так, на заводе «Пионер» одному товарищу завкомовец предложил:

— Знаете что: я вам дам сам все сведения об ударных бригадах нашего завода, а вы запишите. Чего вам по заводу ходить, с ударниками беседовать—они все одинаковые.

На другом заводе ударники заявили:

— Все, что настряпаешь—изволь прочесть сначала нам—мы тебя выправим. А если напечатаешь без нас, то так и знай, за каждую ошибку отчистим — писать умеем.

На заводах **некоторые ударники** заявляют нам:

— Ну, чего об нас писать — делаем то, что надо делать, а особенного ничего в нашей работе нет.

Однако, наблюдательный глаз находит эти особенности и кладет их на листы блок-нотов и записных книжек.

Работа второй ударной бригады ленинградской «Кузницы» идет к концу. На очереди тема работы **третьей бригады:** коллективизации сельского хозяйства.

Сейчас перед нами вплотную встает вопрос о необходимости централизации всей работы в ФОСП при участии ВЦСПС и др. организаций. Если работу в пределах Ленинграда нужно было вести, даже не имея средств, то поездки в колхозы и совхозы потребуют больших средств.

А. КАСИМОВ.

Литературный вечер в клубе Кор

Вечер, посвященный пролетарской литературе, собрал свыше 1.000 человек рабочих трех железных дорог.

Естественно, преобладала молодежь, но зачастую мы могли увидеть и пожилые, изрытые глубокими морщинами, лица. **Много было женщин — работниц.**

Представитель РАПП тов. **Сурков** в докладе «Фронт пролетарской литературы» подробно изложил собравшимся группировки и соотношение сил в лагере советских писателей. Значительное внимание докладчик уделил вылазкам классового врага в литературе, а также росту молодых, недавно начавших писателей.

Огромное количество поданых докладчику записок свидетельствовало о глубоком интересе, возбуждаемом в массах новой литературой. Записки преимущественно говорили об одном наболевшем вопросе — о псевдореволюционной литературе, о переводной макулатуре, **спрашивали о том, что и как читать.** Разумеется, тут нельзя было ограничиться дачей готовых рецептов — необходима глубокая, планомерная работа по внедрению хорошей книги в гущу масс.

— Мы плаваем в остатках прошлого, — сказал один из выступавших по докладу рабочих, — поэтому плохо разбираемся в произведениях новой литературы.

Разумеется, резолюция в числе других пожеланий говорит о необходимости всяческого продвижения журналов РАПП — в том числе и нового журнала «Рост».

В литературной части вечера выступил ряд поэтов и писателей. **С. Кирсанов** прочел большой отрывок из своей новой поэмы «Враг» — о нападении на красный обоз в Туле и перевод поэмы бойца Парижской коммуны Жюля Жуо «Дочь работника». Аудиторией эти произведения были встречены очень тепло. Хорошо также отнеслись рабочие к выступлениям **А. Караваевой**, прочитавшей отрывок из рассказа «Лиман», поэта **Н. Дементьева** («Новелла об орле и орлике» и «Оркестр») и **А. Ситковского** («Тринди-бринды» — **поэма о бандуристе** и др.).

Матэ Залка выступил перед рабочей аудиторией с «еще ненаписанным», по его словам, рассказом. **Этот рассказ «Баня» автор посвящает нытикам и маловерам, сомневающимся в успехе социалистического строительства.**

Наибольший успех, однако, выпал на долю члена рабочего литературного кружка «Искра» — тов. **Швецова**, который прочел две своих поэмы: «Новый дом» и «Сыну». С большим воодушевлением собравшиеся выслушали «Новый дом» — о неполадках в нашем строительстве, **о пускающем узловатые корни в новых домах мещанском быте.**

В заключение необходимо заметить, что издательство «Московский Рабочий» провело на вечере крайне интересный опыт распространения своих журналов —присутствующим были розданы специальные листовки и анкеты, которые отбирались при выходе.

ТИПОГРАФ.

В лаборатории слова

На собрании актива районных кружков МАПП, 26 января, т. **А. Фадеев** сделал чрезвычайно интересный доклад «о работе писателя над записной книжкой». Такой опыт вынесения писательской лабораторной работы в широкую аудиторию (помимо печати) является первым. Эта сторона первичного накопления литературных материалов даже у старых мастеров (Толстого, Чехова) освещена далеко не с достаточной полнотой, что же касается современных авторов, то тут дело ограничивается несколькими статейками в органах повременной печати, овещающих лишь отчасти деятельность очень немногих авторов (Маяковского, Фурманова, Леонова и др.).

Изобиловавший интересными фактами доклад т. Фадеева касался работы его над романом «Провинция». Этот роман, вскрывающий в числе других проблем мещанский быт провинции, еще не написан.

Как было видно из доклада, т. Фадеев, собирая материал для романа, неизбежно следует идее так называемого «художественного реализма». В его записях почти вовсе отсутствуют элементы творческой фантазии, наоборот, вы тут видите как случайно замеченные писателем явления абстрагируются, **подчас вовсе не меняя своей внешности.**

«У зубного врача есть лягавый пес, звать его Дарвин»,—записывает т. Фадеев после посещения дантиста. Меблировка приемной этого же врача служит прототипом мещанской обстановки в романе и т. д. Зачитывая отрывки из записных книжек писатель привел несколько моментов, когда под влиянием случайно увиденных событий, у него в памяти всплыли картины далекого детства, послужившие материалом для характеристики героя.

Обор материалов докладчик назвал самой интересной, самой приятной частью работы. По его мнению ход этих записей, преломляемых через сознание автора, делает роман.

— Проблема,—заявил т. Фадеев,—не стоит вне героев, а разрешается через них. Знаете ли вы, что по плану «Разгрома» Мечик должен был покончить самоубийством, между тем как разверстывание событий заставило меня оставить его «жить»?

Особенность работы т. Фадеева та, что между отдельными его записями бывают временные провалы в месяц, а иногда и больше. Это любопытно сопоставить с работой Золя, который, как известно, всю серию своих романов «Рутон-Маккары», написал систематически, по заранее заготовленному плану.

ТИПОГРАФ.

Индустриалы организуются

Вечер памяти Ленина

Недавно организовавшийся при МОКП кружок писателей-индустриалов ознаменовал годовщину смерти В. И. Ленина устройством литературного вечера в клубе ФОСП.

Вечер был **начат докладом С. И. Канатчикова** на тему: **«Ленин и его значение в литературе».**

— Для всякого очевидно, — заявил тов. Канатчиков,—что писатель не есть лицо изолированное от класса. Но эта истина была бесспорна далеко не для всех. Ленин, в отличие от меньшевистских путанников, всегда видел перед собой рабочую массу. Гениальность совмещалась в нем с простотой и общедоступностью.

Докладчик подробно останавливается далее на сравнении методов Владимира Ильича с методами Плеханова.

— Плеханов,—говорит он,—обладал глубокой эрудицией, но не умел просто и ясно выражать свою мысль. Ему была свойственна профессорская напыщенность, витиеватость, вычурность.

В настоящее время, когда перед советской литературой стоят огромные задачи, писатель должен учиться у Ильича умению выражать свою мысль.

Для политики нет трагедии. Для писателя она существует. В романе образ должен отстояться, для создания романа требуется значительный отрезок времени. Вот почему нам приходится сейчас довольствоваться очерком. Художественные качества очерка отнюдь не ниже качеств больших полотен. Здесь уместно вспомнить мастерские газетные зарисовки Чехова, вспомнить жизненный путь многих крупных писателей, начавших с газетной работы. Существуют сотни способов не отставать от жизни. Нам необходима литература, указывающая путь в завтрашний день. Но для того, чтобы принять участие в создании такой литературы, необходимо быть политически грамотным человеком. На одном таланте далеко не уедешь.

Трудно, тяжело—не значит невозможно,—заканчивает свой доклад тов. Канатчиков.—Помнить об Ильиче—это значит форсировать темпы социалистического строительства.

С воспоминаниями о Ленине выступил затем **А. А. Богданов**, который рассказал о встречах с Ильичем на партийных конференциях в Таммерфорсе и Гельсингфорсе.

— После встречи с Ильичем я почувствовал, что мои политические убеждения улеглись в стройную систему.

Затем А. Богданов рассказывает о том, как Владимир Ильич, выслушав его стихи, проницательно вскрыл заключавшиеся в них народнические тенденции. В беседах с А. Богдановым Ленин неоднократно высказывался о работе литераторов-большевиков в буржуазных антимарксистских изданиях. К этому, как известно, Владимир Ильич относился отрицательно.

В литературной части вечера—с поэмой «Комбайн» выступил **А. Пестюхин. Иван Макаров** прочел рассказ «Степан Скорбящий» — о ломке крестьянской психологии в результате встречи крестьянина с индустрией. Стихотворение «Уровень» прочел **П. Вячеславов.** С новыми стихами выступил **Холмин.** В заключение с оригинальным эскизом «Змей на курганах» (о совхозе «Гигант») выступил **Леонид Карпов.**

Лабораторные занятия кружка индустриалов происходят по пятидневкам.

2 февраля состоится дискуссия на тему **«Стиль индустриального произведения».** Дали свое согласие на участие в дискуссии: тт.: С. И. Канатчиков, И. Беспалов, Л. Ильинский, А. Субботин.

Н.

ВССП о работе ленинградского отдела

Об'единенный президиум Всероссийского союза советских писателей, ознакомившись с положением дел в ленинградском отделе союза, констатирует:

«1. Работа ЛО правления ВССП проводилась целиком в духе опубликованной ВССП политической декларации.

2. ЛО ВССП успешно заканчивает свою реорганизацию, направленную к усилению творческой и общественно-политической активности широких писательских кругов и втягиванию их в дело социалистического строительства и в проведение культурной революции.

3. Ряд практических мероприятий (участие в работах библиографической комиссии Облпрофсовета, в облсовете по делам искусств и литературы, формирование ударных писательских бригад, массовое участие членов союза в литературных вечерах на фабриках, заводах и в рабочих клубах, энергичная защита правовых и материальных интересов членов союза и пр.) свидетельствует о безусловно положительной работе ЛО правления ВССП.

4. Особо следует отметить интенсивную работу преобразованных секций союза: детской литературы, прозаиков, поэтов и др. Исключение составляет с трудом составляемая секция критиков и историков литературы: инертность этой секции в значительной степени об'ясняется полной оторванностью от союза и бездеятельностью ряда передовых марксистских критиков, которым надлежит быть руководителями этой секции.

5. Чистка рядов ЛО ВССП не может считаться законченной, но проведенная уже перерегистрация, освободившая союз от 65 «мертвых душ», должна быть одобрена.

6. При наличии этих и иных достоинств в работе ЛО ВССП—правлению все же предстоит в дальнейшем сделать еще очень много в связи с общими практическими задачами, возложенными на ВССП.

Об'единенный президиум ВССП не может обойти молчанием статью тов. **Слепнева** в веч. вып. «Красной Газеты» (№№ 8 и 9), являющуюся обвинением руководства ЛО ВССП и союза в целом.

Об'единенный президиум поручает ЛО правления дать подробный ответ на статью т. Слепнева.

Со своей стороны, об'единенный президиум считает голословными выдвинутые обвинения и безответственным утверждение, что декларация ВССП, выработанная и принятая всей массой советских писателей Москвы и Ленинграда, является «пустой».

Об'единенный президиум, признавая необходимость самой резкой самокритики, полагает, однако, что немотивированные нападки тов. Н. Слепнева могут ввести в заблуждение советскую общественность относительно истинного положения в ЛО ВССП и могут способствовать только дезорганизации рядов активных писателей, членов ВССП, и наносят вред тесному дружескому сотрудничеству, установившемуся между ВССП и другими секторами советской литературы.

18 января 1930 г.».

О таланте, о вдохновении... и о клубе ФОСП

(На диспуте о творчестве писателя).

Кабинет по изучению труда и быта писателя при клубе ФОСП устроил под председательством **А. С. Яковлева** собеседование, посвященное обсуждению статьи **Л. Копыловой *).**

Выступивший с кратким докладом т. **А. Лежнев** подверг критике отдельные положения статьи Л. Копыловой, но отметил ценность постановки ею почти неразработанных вопросов психологии творчества писателя и, в частности, проблемы творческого вдохновения.

Выступления тт. **Львова-Марсианина, Арго, Гиббса, Шалтупера** и **Брауна** показали, что тема диспута представляет собой очень большой интерес для писателей и литературоведов.

Мы считаем, что Кабинету по изучению труда и быта писателей следует повторить этот диспут, но совершенно необходимо принять меры к тому, чтобы в дальнейшем такого рода собеседования в клубе писателей могли проходить в более серьезной обстановке и посещались бы членами клуба ФОСП, а не случайно забредшими людьми.

Д. ИМИНА.

*) См. журнал «Октябрь», кн. 10.

ЕДИНАЯ ЛИТКОНСУЛЬТАЦИЯ ПРИ ФОСП.

До сих пор ни одно издательство не вело как следует работы с писательским молодняком. Консультационные бюро при издательствах работают нерегулярно, случайно и не могут оказать должной помощи начинающему писателю. Между тем, каждое издательство тратит довольно значительные суммы на рецензирование этого тысячного потока рукописей от начинающих авторов.

При ФОСП должно быть создано Всесоюзное единое консультационное бюро для начинающих писателей в виде квалифицированного аппарата редакторов, рецензентов. В работе единой литконсультации ФОСП должны участвовать издательства, литературно-художественные журналы и писательская общественность. Правление ГИЗ одобрило это начинание.

Исполбюро ФОСП, заслушав доклад **И. Ионова** об организации единого консультационного бюро для начинающих писателей при «Федерации» поручило секретариату ФОСП договориться с крупнейшими издательствами и редакциями литературно - художественных журналов о создании смешанной комиссии для конкретной проработки вопросов по организации единой литконсультации при ФОСП.

КТО НЕ ПЕРЕРЕГИСТРИРОВАЛСЯ?

Правление Литфонда РСФСР доводит до сведения всех писателей, состоящих членами фонда, что **последний срок прохождения перерегистрации — 1 февраля 1930 г.** После указанного срока не прошедшие перерегистрацию будут считаться механически выбывшими.

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ВОКП.

Недавно проведена перерегистрация членов ленинградского отделения ВОКП, в результате которой в организации осталось 46 чел. Исключено за творческую пассивность и механическое выбыло 17 чел.

Ответственным секретарем ЛО ВОКП утвержден т. **Брыкин**, вторым секретарем (для ведения практической работы)—т. **Смирнов.**

Учитывая решения третьего расширенного пленума областного совета, ленинградское отделение ВОКП сосредоточило все свое внимание на работе в деревне и руководстве окружными отделениями. Руководство периферийными кружками, выявление начинающих писателей из среды селькоров и колхозников, регулярный выпуск литстраниц при окружных газетах — основные моменты этой работы. По Псковскому округу, в виду его перехода на сплошную коллективизацию, работа ЛО ВОКП об'явлена ударной.

По выставкам

На под'еме

(Фото-выставка „Огонька")

Фото-выставка, развернутая в помещении Дома печати, организована в порядке общественного смотра продукции основного кадра фото-репортерских сил «Огонька». На ней представлено около 400 работ, принадлежащих тт.: **Шайхет, Фридлянд, Микулиной, Бунимович, Горохову** и др.

Огоньковская выставка почти порывает с индивидуальным авторством, группируя весь материал по отделам с определенными названиями. Так получились темы: наша смена, строительство, производство, быт и отдых рабочего, деревня, Красная армия, нацменьшинства, Москва-хроника-спорт. Это, главным образом, иллюстративный материал общего характера, сложившийся под влиянием направления журнала и того круга вопросов, которые ставились за период его выхода. Затем следуют более узкие темы, в которых заметно индивидуальное проявление творческого порядка со стороны фото-репортеров. Они и дальше от иллюстративности и ближе к повествовательным очерковым формам: «Работа рук», «С чем мы боремся», «Астрахань—город рыбный», «Зоопарк», «Медвежья охота», «Что можно купить за гривенник».

И, наконец, мы имеем отдел «формальных исканий». Непонятно,—почему собственно он возник?

Если авторы считают работы этого отдела «формально» наиболее сильными, но социально менее значительными, то это в корне неправильно. С другой стороны, если считать, что этот отдел об'единяет вещи «условные», т.-е. снятые с не совсем обычных точек зрения, и вообще «неутилитарно», то как понимать «условность», и почему в других отделах встречаются подобные же с'емки (например, в отделе «производство» —снимок машины)? Остается предположить, что здесь показаны не «формальные» искания, а как раз искания по существу, т.-е. искания возможностей печатать не шаблонные снимки.

К недостаткам экспозиции надо отнести почти полное отсутствие надписей (под влиянием требований со стороны экскурсий несколько надписей сделано дополнительно, но очевидно наспех и не по существу). В дальнейшем организаторы должны принять это во внимание, особенно при предположенной передвижке выставки в рабочие районы.

Одного каталога (кстати, составленного почему-то по авторам) явно недостаточно, так как тенденция наших выставок должна быть в сторону **показательности**, а не в сторону самозначимости материала. Наши фото-репортеры—общепризнанные учителя и руководители фотокружков, на их примере и работах учится и вращивает свои навыки и вкусы советский фото-молодняк.

Теперь о самом материале.

Если еще несколько лет назад пышный расцвет так называемой «художественной фотографии», с ее акцентом на индивидуальном портрете, лирическом пейзаже, нагом теле, казался обеспеченным, то уже вскоре после выставки советской фотографии все громче стали раздаваться трезвые голоса, звавшие работников фото вступить на путь общественности и сделать свое искусство орудием классовой борьбы, орудием пропаганды за дело социалистического строительства. Если наш советский фоторепортаж тех лет порою не владел еще всеми возможными средствами воздействия, если фото-репортеры тогда еще не знали полностью, что такое **искусство** фотографии, и шатались от случайной документации к станковому и живописному «фото-этюду», то последние достижения их показывают, что общий курс взят правильно.

Конечно, такие работы, как «Переход на четыре станка» или «Тракторная колонна в совхозе» могли появиться именно теперь.

Основные моменты культуры репортажной фотографии наиболее отчетливо обнаруживаются в физкультурных с'емках. Максимальная скорость совершающегося процесса требует быстроты и ловкости для того, чтобы правильно и во-время защелкнуть его затвором, и находчивости, изобретательства для того, чтобы по-новому, впечатляюще прикрепить его к определенному месту в кадре (документация плюс композиция).

Заключаем. Ни одна фото-выставка советского периода не была такой цельной, не давала такого высокого процента чисто советских актуальных работ. Ни в какое иное время, ни в какой другой стране такой выставки, как выставка в Доме печати, быть не могло и не может. Общий художественно-технический уровень выставленных работ настолько высок, что дает право говорить о **советском искусстве фотографии**, искусстве, хотя и непризнанном и механическом, но зовущем и идущем вперед.

А. ТЕЛЕШЕВ.

Уголок выставки.

Выставка Маяковского

В клубе ФОСП (ул. Воровского, 52) 1 февраля в 17 ч. открывается выставка «20 лет работы Маяковского». Выставка будет открыта ежедневно в течение 15 дней от 12 до 17½ ч. Выставка разделена на ряд отделов: Книги. Детское. Журналы. Газеты Москвы. Газеты СССР. Плакаты. Окно сатиры. Рекламы. Выступления. Театр. Записки. Критика. Кино. Радио. Биография.

На выставке будут дежурить члены Реф и давать посетителям соответствующие об'яснения. В. В. Маяковский выступит на выставке два раза, отчитываясь в своей двадцатилетней работе.

Организуется выставка

ВССП, организуя в конце февраля месяца выставку **«Писатели и социалистическое строительство»**, обращается ко всем литературным об'единениям, литкружкам при рабочих клубах и колхозах, художественным обществам, профессиональным организациям и отдельным лицам, как в Москве, так и в других городах, с просьбой о присылке соответствующего материала: рукописей, книг, документов, фотоснимков, отдельных номеров периодической печати, плакатов, характеризующих активное участие литературных групп и отдельных писателей в социалистической стройке.

Весь материал следует направлять или почтой или лично в дни и часы работы музея по адресу музея Всероссийского союза советских писателей (Москва, Тверской бульвар, 25, Дом Герцена, музей при ВССП).

МУЗЕЙНАЯ КОМИССИЯ.

Театр и кино

Под огнем рабочей критики

Состоялось второе заседание областного репертуарного совета, в состав которого, на ряду с другими, вошли и представители фабрично-заводских редколлегий. Цель орабоченного репертуарного совета—дать зрителю пьесу, отвечающую запросам текущего момента, имеющую здоровую рабочую установку и идеологию.

В заседании репертуарного совета Ю. Слезкин зачитал свою новую пьесу «Вспоенные поля».

Действие пьесы развертывается в одной из окраинных автономных областей. Тема пьесы—борьба с кулаками и отсталым пастушеским населением, в связи с мелиорацией засушливого района и перехода его на колхозное хозяйство.

Пьеса подверглась суровой рабочей критике.

Мнения сводились к тому, что автор не показал ни классовой борьбы, ни работы местных общественных организаций. Неволько возникают вопросы: где ячейка, где местком? В пьесе вообще нет ни одного представителя общественности. Тема пьесы очень интересна, но в том виде, в каком она разработана автором едва ли дойдет до зрителя. втор проходит мимо классового расслоения деревни. Получается, что убили только кулака на деревне, но не убили старую деревню. В начале пьесы развертывается борьба за хлопок, а в конце—хлопок забыт. Предисполкома не появляется на сцене, а действует где-то—в намеках—за сценой. Автор избегает показа прямой борьбы коммунистов.

Написана пьеса, по мнению ее рабочих критиков, в интеллигентских тонах, построена она на «переживаниях», пишущая психологическая перенасыщенность и вера во что-то сверхестественное отдают «андреевщиной». Язык и быт казачества автором не доработаны.

Некоторые товарищи отмечали и положительные стороны пьесы. Хотя в пьесе не выявлена четко классовая линия, действующие лица все же взяты автором не в индивидуальном разрезе, и в этом заключается его значительное достижение. Отмечалась также попытка автора отразить классовую борьбу в деревне и работу честного спеца.

Репертуарный совет постановил чтобы автор переработал пьесу в соответствии со сделанными рабочей критикой указаниями. Для повторного ознакомления с переработанной пьесой решено избрать специальную комиссию.

Вот тут-то неожиданно «взбунтовались, что называется, и автор, и представители Театра бывш. Корш.

Директор театра тов. Морозов в своем выступлении, отстаивая пьесу, ссылался на то, что любая пьеса для театра—необходимое «сырье», и если театр не будет иметь этого сырья, то у него будут «простои». Пьесу Ю. Слезкина театр выбрал из огромного вороха других пьес, им забракованных. И, наконец, последний довод: театр эту пьесу готовит уже к постановке кто-то пишет уже декорации и, если постановка не осуществится, театр понесет большие убытки...

Невольно напрашивается вопрос: если принять во внимание подобного рода доводы, то зачем вообще зачитывали пьесу в репертуарном совете? Или репертком из рабочих не может разобраться в качестве тех или иных пьес?

А мы на практике знаем, что Театр б. Корш до сих пор, если исключить «Высоты» Либединского, не дал больше ни одной идеологически-выдержанной пьесы. Мы знаем, что на счету у советской общественности этот театр во всяком случае стоит не на первом месте.

Автор пьесы Ю. Слезкин тоже выражал крайнее недовольство, жалуясь, что, в связи со сделанными ему указаниями, на пьесе нужно поставить крест и писать новую. Между слов автора можно было уловить и тот смысл, «что вы, дескать, еще не доросли до критики художественной литературы, а пьес в особенности».

Этот протест автора может быть и убедителен для представителей Театра бывш. Корш, но репертуарный совет придерживается иного мнения.

Ю. Слезкин обязан переработать пьесу, учтя и использовав сделанные ему указания. А может быть, придется написать и новую пьесу—ничего не поделаешь. Возмущение в сторону.

А. ПОПОВ.

Первая Образцовая Типография.

„Воскресение" на советской сцене

К ПРЕДСТОЯЩЕЙ ПРЕМЬЕРЕ В МХТ I.

Московский Художественный театр I показывает 30 января в первый раз новую советскую сценическую интерпретацию романа Л. Толстого «Воскресение», в переделке Ф. Ф. Раскольникова. Режиссер спектакля—И. Судаков. Руководитель—В. И. Немирович-Данченко.

***

По поводу своей работы над инсценировкой романа Ф. Ф. Раскольников сообщил нам:

— Переделывая в пьесу роман Толстого «Воскресение», я стремился выдвинуть на первый план его социально-общественное содержание, уничтожающую критику полицейско-монархического государства, высмеивание комедии царского суда, разоблачение лиц

Молодые поэты

(ВМЕСТО РЕЦЕНЗИИ)

Поэтический молодняк дал за последнее время значительную продукцию. Вышли книги: **Кудрейко, Гусева, Долина, Дементьева, Бершадского и др.** Эти книги приводят, однако, к тому убеждению, что «на Шипке не все спокойно».

Начнем с Кудрейко. Его «Осада»—книга возможностей. Если в ряде стихотворений Кудрейко обнаруживает скромный лирический темперамент, то в поэме «Мадьяр» сказываются значительные возможности эпического характера. Однако, мы не входим сейчас в подробную оценку художественных достоинств и недостатков. Нас интересуют некоторые тревожные явления, наблюдающиеся в нашей молодой поэзии. В свете этой задачи книга Кудрейко приобретает большую иллюстративную ценность. Она демонстрирует оторванность поэта от текущих проблем пролетарской действительности, своеобразную замкнутость.

Кудрейко берет эпиграфом к разделу «живые свидетели» известные слова Некрасова «стихи мои, свидетели живые». Этот раздел выдает молодого поэта, показывая ограниченность его кругозора, незначительность виденного им. Поэт рассказывает о своем возвращении в деревню, где он застал «тех же людей», слышал «те же речи», о пляске медведя и «бойцах птиц». Вот и все. Обилие заявлений революционно-романтического характера не оправдывает игнорирования нашей конкретной, «материальной» среды.

Книга **Гусева** «Поход вещей», изобличающая в авторе определенное техническое уменье и наличие изобразительных способностей, грешит тем же недостатком, что и книга Кудрейко—отсутствием социально-весомого содержания. Однако, между стихами Кудрейко и Гусева есть существенная разница. Стихи Кудрейко обладают определенной тональностью, выражающейся в переживаниях революционно-романтического характера.

Гусев прозаичней, предметней Кудрейко. Мир, в котором он живет, узок и тесен. Зачеты, вуз, кинематограф, литкружок, вещи—таков круг его тем. Даже строительство воспринимается им через литературную призму:

Что ж, лучи? Вперед и выше
На Житомир и Чернигов.
Гоголь будущий напишет
Удивительную книгу.

Позволительно спросить: почему «будущий?» Не возражаем, если вы, Гусев, напишете эту удивительную книгу. Правда, для того, чтобы написать такую книгу, поэтам нужно много поработать над собой, в особенности Гусеву. Слишком слабо выражены у него связи с пролетарской общественностью, слишком специфичны и книжны темы.

Николай Дементьев не составляет в этом отношении исключения. Возьмем его стихотворение «Оркестр». Выполненное с большим формальным мастерством, оно ярко иллюстрирует основной недостаток поэта—его схоластичность, склонность к абстракции и сюжетной выдумке.

Вообразите: в театре пожар. Публика бросается в панике к дверям. Чтобы успокоить ее, дирижер подал сигнал оркестру. «И по мановению легкого взмаха вдруг выросла в невозмутимый мажор спокойная ширь оратории Баха». Музыка сделала свое дело. Публика успокоилась. «На улицу **вышли, галош не забыв».** «А в зале обрушились пол и столбы, и выходы были об'яты пожаром». Несмотря на это, оркестр продолжал играть.

Обвалы рождали невиданный треск.
Огонь древесину глотал, как обжора.
А где-то внизу, не сбиваясь с мажора,
Заканчивал трудную пьесу оркестр.
Прекрасно понимая организующее свойство музыки, мы, однако, сомневаемся в правдивости описанного. Эта ваша нехитрая выдумка, товарищ Дементьев!

Образцом внеклассовой, беспредметно отвлеченной трактовки темы является стихотворение «Инженер».

... Там—рабочий район, напряженный, как нерв.
Услыхавшие клич—**белокуры и седы.**
Над огромным провалом встает инженер,
Начинается бой, и на утро—победа.

По этому стихотворению трудно определить, о каком именно инженере идет речь—«нашем или не нашем». Инженер дан, так сказать, вне времени и пространства. Наивным и смешным кажется упоминание про рабочих, которые «белокуры и седы». Неправда ли, как мало они похожи на наших донбассцев...

За последнее время все чаще и чаще стал появляться в нашей периодической прессе поэт **Митрейкин.** Не входя в оценку его поэтических способностей (а они несомненны), отметим социальную бессодержательность большинства его стихотворений. В журнале «Октябрь» Митрейкин на протяжении двух страниц воспевает человека, собирающего отбросы.

А-га, обрадуется читатель. Утильсырье! Наконец-то...

Спешим разочаровать читателя. Речь идет о самом обыкновенном дяденьке, собирающем отбросы в свой мешок для своих же целей. Митрейкин же ставит себе в заслугу тот факт, что им воспет этот самый дядя.

Автор взволнован... Ломает сюжет...
Простым, но расчетливым жестом:
Читатель!—кричит он,—**я первый поэт,**
Увлеченный отбросным сюжетом.

В этом четверостишии заключена целая философия, пытающаяся взять под свою защиту эстетское отношение к действительности, одной из особенностей, которого является разработка мотивов нейтрального значения.

Несколько особняком стоит **Владимир Долин.**

Поэт в разладе с самим собой. Он часто жалуется на нужду, тоску, его даже посещает мысль о самоубийстве, но все эти тяжелые настроения умеряются сознанием того, что «страна растет и ширится и крепнет». Однако, тревоги, которые обуревают Долина, кажутся несколько преувеличенными. Ему, например, ничего не стоит сказать:

Пыжится задором
Нэпманское брюхо,
Золотом червонным
Попирая власть (!?).

Непонятно о какой такой тревоге говорит Долин в строках:

Буду несть, как Герцен,
Черную опалу,
Буду бить тревогу
Селам, городам (!?).

Поражает какая-то разорванность сознания, внутренняя дисгармоничность, «растрепанность» чувств. Заголовок, присвоенный книге, поистине, имеет символическое значение. «Листья», рассеянные, разбросанные листья, символизирующие осеннюю непогодь.

Недоумение вызывает поэма **Заводчикова** «Лошадь и человек». Трудно понять, что именно хотел сказать Заводчиков этой своей «повестью в шести поэмах».

У Егора—участника гражданской войны—была лошадь по имени «Робингуд». Лошадь как лошадь. И вот Егора ранили в бою. По этой причине он выбывает из строя. Вместе с ним «пошел в отставку» Робингуд.

Обыкновенная история, скажет читатель, усомнившись в эмоциональности поэмы Заводчикова.

Вообще говоря о лошадях писали много. Фадеев поведал в своем «Разгроме» о горе, которое испытал Морозко, потеряв в бою любимого коня. Ефиму Зозуле принадлежит трогательный рассказ «Лимонада» о бедной советской кляче, честно служившей пролетариату в дни разрухи и гражданской войны.

Заводчиков ставит себе, повидимому, задачи более серьезного характера. В его поэме мы видим попытку построения своеобразной лошадиной философии. Человеческая любовь кажется поэту бледной и невыразительной по сравнению с лошадиной любовью.

Был счастлив,
Любил жеребец молодой
Пока он людского не знал бессердечья
О, лошадь!
И кажется тусклой такой
Сонливая нежность — любовь человечья...

Автор считает себя бессильным показать всю глубину переживаний лошади.

Быть лошадью надо бы, чтоб рассказать
Про горе—кобылье, тупое, упорное...

Повторяем, мы затрудняемся определить социологический эквивалент поэзии Заводчикова («быть лошадью надо бы...»).

Противопоставление человека—лошади и лошади—человеку, противопоставление, сопровождающееся дешевыми моральными сентенциями, рождает в итоге чувство досады на автора, который мог бы найти более «рациональное» применение своим изобразительным способностям.

Вряд ли можно похвалить и **Саянова** за его поэму «Картонажная Америка». Талантливый ленинградский поэт совершил грехопадение, издав эту поэму—детектив. На самом деле. Не так давно мы осудили всех тех **«Натпинкертонов»,** которые неутомимо фабриковали плакатных коммунистов и сверхгероических комсомольцев. Саянов почему-то решил возродить эту дурную традицию, изменив лозунгу «живого человека», который, казалось бы, особенно важен для члена организации пролетарских писателей.

Да и кроме того прискорбно смотреть, как молодые способные поэты даром растрачивают свою «силушку», разменивая ее на какие-то пустяки. Стоит ли говорить о поэме Кирсанова «Моя именинная»? Виртуозная местами по выполнению, она является образцом легковесного творчества, социально неосмысленного, внутренне бессодержательного.

Теперь о некоторых формальных моментах. При всем разнообразии художественных приемов, молодые поэты могут быть подразделены на две группы. Представители одной группы тяготеют к художественно-простой манере. Они не большие сторонники новшеств. Словарь их традиционен, мысль выражена с предельной ясностью. Поэты данной группировки (незначительной, кстати сказать) канонизируют обломки имажинизма и сентиментализма. В их стихотворениях неожиданно перекликаются Есенин и... Надсон.

Мы не возражаем против художественной простоты. Однако, на деле этот прекрасный лозунг получает у многих кульгарное истолкование. Забота об излишней простоте имеет часто своим следствием грубое упрощенство. Иными словами говоря: «Простое» становится подчас «простецким», корявым...

Вот образец «художественно-простого» стихотворения, характеризующегося шаблонностью словаря и неглубоким содержанием:

Старики овсяной бородою,
Увидав, приветливо трясут,
Угостят зеленою махрою,
Скажут: «Сядь, поговорим вот тут»...
Вечерами навернется в хату
Ребятежь родимого села,
И вдыхаешь сладкий запах мяты,
Обсуждая сельские дела.
Ах, люблю, люблю село родное,
Вместе с ним я к городу иду.
Что ни отпуск—розовые нови
Расцвечают в сердце лебеду.

(Вл. Долин).

Эта манера не пользуется успехом у тех молодых поэтов, которые пошли на выучку к таким мастерам, как Гумилев, Пастернак и Сельвинский. Для их словаря характерна какая-то выспренная, торжественная интонация. О чем бы они не писали, о любимой ли погоде, строительстве, везде сказывается эта эта мраморная, холодная торжественность. У них не в почете растрепанная «лирическая» прическа. Поэты тщательно причесываются гребешком формализма. Но, по совести говоря, от этой прилизанности, добропорядочности, академичности веет подчас убийственным холодом.

Могут подумать, что мы возражаем против увлечения техницизмом. Ничего подобного! Мы восстаем против **эпигонского формализма,** который сплошь и рядом оказывает на наш молодняк **отрицательное** влияние. Его разлагающее действие можно особенно почувствовать в тех стихотворениях, которые разрабатывают революционную тематику. **Чужая лексическая среда соответствующим образом деформирует содержание,** вытравливая из него все революционное, пролетарское.

Заслуживает еще внимания такое явление. За последнее время замечается увлечение ряда молодых поэтов терминологической культурой. Термины специальные (учебные, химические, географические политические) пестрят то тут, то там. Ничего ужасного в этом, разумеется, нет. Однако, плохо, когда поэты духовное убожество свое прикрывают фиговым листком иностранной терминологии. На деле оно так и получается. Поэты усваивают внешний культурный лоск, но мало работают в направлении выработки своего мировоззрения и поднятия общекультурного уровня. В результате формальный пустозвон, образцом которого являются многие стихотворения **Семена Кирсанова.**

В стихотворных приемах Кирсанова, в его поэтической четкие есть что-то от циркового искусства. Его стихотворные трюки ослепляют на мгновенье читателя, но глубокого впечатления, следа в его сознании не оставляет. Возьмем такие строки:

Сбирала Маланья поленья—
Лень ей.
Пылали молонья Маланье—
Лень ей.

Позволительно спросить, какая логическая связь между последними двумя строчками? Не подобраны ли они «для красоты слога?» Таких примеров словесного пустозвонства наберется в книге Кирсанова не мало. И не только у Кирсанова.

Конечно, все эти поэты еще молоды. Возможности роста (в самом широком смысле этого слова) не исключены.

Несомненно, все же, одно: им нужно окунуться в поток пролетарской действительности, **выработать определенное отношение к этой действительности.** При этом условии поэты смогут освободиться от того формального пустозвонства, которое всегда было и будет признаком внутренней бессодержательности.

МИХ. БЕККЕР.

Типы просвещенцев в литературе

Изд-во «Работник просвещения» приступило к выпуску серии литературно-художественных произведений, рисующих типы просвещенцев (профессора, учителя, избачи и т. д.). К участию в серии привлечены: Н. Огнев, А. Яковлев, Дм. Стопов, С. Ужгин, Г. Никифоров и др. Ответственный редактор серии—М. Ольшевец.

Вечер пролетарской литературы

Редакции «Делегатки» и «Роман-газеты» устраивают 31 января литературный вечер, посвященный разбору произведений пролетарских писателей. Вечер состоится в Красном зале МК ВКП(б). Начало в 18 часов.

ЛИТСОБРАНИЯ

Сегодня в клубе Наркомзема им. Смирнова (Старая пл., 8), в 21 ч., состоится вечер «Кузницы». Тов. **Иосель** сделает доклад, после чего выступят писатели «Кузницы»: тт. **Березовский, Жига, Казин, Ляшко, Москвин, Образович.**

28 января, в 16 с половиной часов, в клубе Мельстроя (Каланчевская улица) доклад тов. **Бойчевского** о молодежной литературе, затем выступает автор «Первой девушки» **Н. Богданов.**

28 января ЦБВ направляет в совхоз «Молочный Гигант» бригаду писателей. Едут тт. Кирсанов, Шведов, Цвелев, Чихачев и Кальницкий.

29 января, в 20 ч., в клубе Мосторга (Мясницкая, 47) литературный вечер. Доклад на тему «Классовая борьба в литературе» сделает **А. И. Тарасов-Родионов,** оппонент—**А. З. Лежнев,** затем выступят писатели **Герасимов, Кирсанов, Яковлев.**

30 января, в 17 час., в столовой завода АМО вечер на тему: «Империалистическая война в творчестве писателей Запада». Докладчик тов. **Иосель.** Чтение произведений Ремарка Гашека, Барбюса, Ольбрахта—заслуженная артистка МХТ **Ф. В. Шевченко** и артист Театра Революции тов. **Смирнов.**

Письма в редакцию

I.

Настоящим заявляю о своем выходе из инициативной группы при «Молодой Гвардии» для организации федерации об'единений детских писателей, так как считаю недопустимым, чтобы инициаторами федерации являлись работники издательств, зарекомендовавшие себя антиобщественными выступлениями против московских авторов. Федерация, как видно, должна организоваться силами самих писателей и профессиональных работников.

На диспуте, имевшем место 11 января в Доме Печати, тов. Разин об'явил произведения попутчиков на современные революционные темы приспособленческими. Такую постановку вопроса я считаю правоуклонческой и на практике приводящей к тому, что беспартийные писатели, уверовавшие в наше строительство, будут вынуждены отказаться от разработки этих тем. Равным образом считаю совершенно недопустимым шельмованье т. Грин моей только что вышедшей и еще неизвестной читателю книги «Черный лебедь», как контрреволюционной. В этом я вижу завершение травли со стороны реакционно настроенных работников печати, нашедших себе пристанище в детских отделах Гиза и «Молодой Гвардии», желание дискредитировать меня и мое творчество, а потому привлекаю тов. Грин через местком писателей к третейскому суду.

ЛЕВ ОСТРОУМОВ.

II.

В виду того, что моя речь на общем собрании ВССП 30 декабря изложена в № 1 (38) «Лит. Газеты» всего одной весьма нетонкой фразой, а именно: «Городецкий требовал коренного пересмотра декларации», считаю нужным кратко изложить (по стенограмме) содержание речи.

Исходя из того, что в ВССП есть опорные группы писателей с отчетливой установкой на практику и мировоззрение пролетариата, я требовал удаления из текста декларации: 1) остатков идеализма, 2) отголосков теории «чистого искусства» и аполитичности, 3) суммарного, без указания расслоек, подхода к составу ВССП, 4) отрыжки «айхенвальдовщины» (старой) в пункте о критике, 5) примиренчества к старому ВССП, 6) пренебрежительного тона к агитлитературе, и предлагал добавить пункты об общем движении ВССП к пролетарской литературе и об организации помощи молодым писательским кадрам.

Так как все возражения, сделанные мне тт. Огневым и Эфросом, сводились только к упреку о запоздании моих предложений (который я принимаю), по существу же серьезных возражений не было, я настоящим письмом прошу правление ВССП при обсуждении окончательной редакции декларации принять во внимание указанные здесь поправки, более подробно изложенные в стенограмме.

СЕРГЕЙ ГОРОДЕЦКИЙ.

ИЗВЕЩЕНИЯ

27 января в 20 ч. 30 м. доклад Сергея Анисимова — «Путешествие по Ованетии. Природа — быт — археология». Доклад иллюстрируется новым кинофильмом.

Вход свободный.

Ответств. редактор: С. И. Канатчиков.
Издатель: Акционерное Издательское О-во «Огонек».

ЗРЕЛИЩА

Театр РЕВОЛЮЦИИ ул. Герцена, 19, тел. 4-49-4. Бил. в к. т-ра с 11-2 и с 5-8 ч. — В Понедельник, 27 I и 3/II **Человек с портфелем** начало спектакля в 7 ч. 30 м.

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТ. КАМЕРНЫЙ ТЕАТР Тверск. бул., 23. Тел. 5-44-18. — 27 го 2-й сп. 4 аб. **АДРИЕННА ЛЕКУВРЕР** 28-го **СПЕРА НИЩИХ.** 29-го 3-й сп. 2 аб. **ОПЕРА НИЩИХ.**

ГОС. ТЕАТР им. Вс. МЕЙЕРХОЛЬДА Б. Садовая, 23. Тел. 1-40-37. — 28/I **ЛЕС** 3-й спект. 29/I **ЛЕС** 4 сп. 1 аб. 2-го абон. **Нач. 7 ч. 30 м.**

ГОСТЕАТР имени Евг. ВАХТАНГОВА Арбат, 26, тел. 3-70-53. — СЕГОДНЯ 27/I— **ЗАГОВОР ЧУВСТВ.** 28/I— **ЛЕВ ГУРЫЧ СИНИЧКИН.** 29/I—**НА КРОВИ.** Начало в 7 ч. 30 м.

РЕАЛИСТИЧЕСКИЙ ГОС. ТЕАТР б. Четвертая Студия МХАТ. Триумф. пл. Т. 1-62-31. — 27/I **НОРД-ОСТ.** 28 и 29/I **СВОЯ СЕМЬЯ.** Нач. 7 ч. 30 м.

СТУДИЯ МАЛОГО ТЕАТРА Б. Гнездн. пер., 10. Телефон 2-77-90.— Сегодня **ПЕРЕПЛАВ,** завтра—**КИНО-РОМАН,** 29-го—**ДИКАРЬ.** (3 сп. 5 аб.) Начало 7 ч. 30 м.

Моск. театр САТИРЫ Сад.-Триумф. бул. 1/29, тел. 3-57-90. — 28/I **КВАДРАТУРА КРУГА,** 29/I **ПЕРВЫЙ КАНДИДАТ,** 30/I **ДОВОЛЬНО, БРОСЬТЕ.** Начало 8 час.

Моск. театр ОПЕРЕТТЫ Кисловский, 6. Садовая, 16, т. 3-04-45. Касса 12—3 ч. д. и 5-9 ч. в. Нач. в 8 час. вечера. — Сегодня, 27 января, сп. Сер. Б. абон. 12 **ПОЛЯРНЫЕ СТРАСТИ** Оставшиеся билеты в кассе театра.

УПРАВЛЕНИЕ МОСКОВСКИМИ ЗРЕЛИЩНЫМИ ПРЕДПРИЯТИЯМИ

ША-НУАР	Тверская, 46. Тел. 3-90-48.	ЛЕДЯНАЯ СУДЬБА С 30/I НОЧНОЙ КРИК
УРАН	Срет., 19. Тел. 2-13-74. Нач. сеанс. с 12 ч. д.	РЕВНОСТЬ
ЭРМИТАЖ	Кар. р., 3. Т. 47-97 Нач. сеанс. 5.30	РЕВНОСТЬ
УНИОН	Ник. вор. Тел. 1-52-44. Нач. сеанс. с 12 дня.	БАБЫ РЯЗАНСКИЕ
ПАЛАС	Страстн. пл. Т. 5-06-53. Театр откр. с 12 ч. д.	ЛЕДИ ГАМИЛЬТОН С 29/I ЛЕДЯНАЯ СУДЬБА
1 РАБОЧИЙ	пр. Зоол. с. Т. 3-04-30. Нач. с 6 ч. Пр. с 4.30.	Лейтенант Рилей
АМПИР	Шеремет., 19. Т. 76-20. Нач. сеанс. 7.30 ч. в.	Лейтенант Рилей
3 РАБОЧИЙ	Землян. в. Т. 1-25-22 Нач. сеан. с 12 ч. дня	ТРАНСПОРТ ОГНЯ
АВРОРА	Покр. в. Нач. с 12 д. Карт. иллюстр. орк.	ТРАНСПОРТ ОГНЯ
КИН. МОССОВЕТА	Валов. ул. Тел. 3. 18-76. Н. 12 д.	ТРАНСПОРТ ОГНЯ
ЗАРЯ	Пятницк., 2. Т. 5-15-95. Нач. сеанс. с 4.30 ч. д.	С 27/I ЛЕДИ ГАМИЛЬТОН С 29/I ТРАНСПОРТ ОГНЯ
ЮНГ-ШТУРМ	Груз. 51. Т. 3-21-57. Нач. с 12 ч. дня.	С 27/I ЗАМАЛЛУ С 30/I ЛЕДЯНАЯ СУДЬБА
ИСКРА	Срет. в. 4. Т. 3-75-11. Нач. сеанс. с 12 ч д	ТРАНСПОРТ ОГНЯ
ВЕЛИКИЙ НЕМОЙ	Нач. сеан. с 12 ч. дня. Прот. пам. Пушкину. Т. 4-82-97.	ЛЕЙТЕНАНТ РИЛЕЙ
СПАРТАК	Земл. в. Т. 4-82-93. Нач. с 12 ч. дня.	С 27/I ЗАМАЛЛУ С 30/I ЛЕДЯНАЯ СУДЬБА
ЭКСПРЕСС	Цв. б. Т. 4-15-65. Нач. с 12 ч. дня.	С 27/I КОЛЮЧАЯ ПРОВОЛОКА С 30/I ТРАНСПОРТ ОГНЯ
АРС	Арбат, 51. Тел. 5-04-63 Нач. сеанс. с 12 ч. дня.	С 27/I СТЕПАН ХАЛТУРИН С 30/I ВОДОВОРОТ
МАЯК	Покровка, 19. Т. 43-19. Нач. 6, 8, 10. Пр. 4.30.	НОВАЯ ПРОГРАММА
ЛЮКС	Плющ., 17. Т. 1-91-44. Нач. с. с 7 ч., пр. с 5 ч.	КОЛЮЧАЯ ПРОВОЛОКА С 30/I ЛЕЙТЕНАНТ РИЛЕЙ
СОКОЛ	Семеновская застава. Т. 57-13. С. 6.30. Пр. 4.30.	Лейтенант Рилей
ОКТЯБРЬ	Бахм., 11. Т. 1-30-14. Нач. с. с 6 ч. веч.	ТРАНСПОРТ ОГНЯ
МАРС	Русаковская ул., 1/19. Т. 53-56. Нач. с. с 12 ч. д.	ЛЕДЯНАЯ СУДЬБА

1-й ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ СОВКИНО-ТЕАТР Арбатская пл. Телефон 1-67-94. Начало с 12 час. дня. Карт. сопр симф. орк. п/у. **Ф. Ф. КРИШ.** — СЕГОДНЯ 27-го января и ежедневно Мировые артисты Лиа-Де-Путти, Вернер Краусс, Георг Александр в заграничной картине **РЕВНОСТЬ** Дети до 16 лет не допускаются.

СМОТРИТЕ СЕГОДНЯ и 1, 2, 5, 6, 9, 10, и 11 февраля КАРТИНУ **ГИГАНТ** ПРОИЗВОДСТВО СОВКИНО во вновь открытом **КИНО-ТЕАТРЕ ТЭФ** в здании Политехнического Музея. Телефон 3-13-78. Принимается запись на коллективное посещение для организаций.

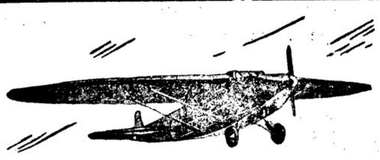
МЮЗИК-ХОЛЛ, Б. Садовая, 18. Тел. 1-51-42. СЕГОДНЯ, 27 января, ежедневно **„АТТРАКЦИОНЫ В ДЕЙСТВИИ“** Эстрадно-цирковой монтаж в 3-х отделениях.
Мировой аттракцион **6 КЛИКЕТ** воздушные акробаты; **С. В. ОБРАЗЦОВ** романсы с куклами; **ИВЕР и НЕЛЬСОН**; **2 ДИАМАНТ** роли обежцы музык.; **3 КАСТЕЛИО** физкультурные танцы. — 1-й раз в Москве **ТЕА-ДЖАЗ** под упр. и с участ. **Леонида УТЕСОВА**; Заслуж. арт. **Б. С. БОРИСОВ** новые песенки; **Г. И. АФОНИН** фельетоны; **40 GIRLS** в новой постан. К. Я. Голейзовского. Конферан. **А. А. ГРИЛЛЬ.** Дир. **Д. Я. ПСКРАСС.**
МЮЗИК-ХОЛЛ ПЕРЕШЕЛ НА НЕПРЕРЫВНУЮ НЕДЕЛЮ. Мюзик-Холл радиофицирован Радиослужбой Московской телефон. сети. Нач. в 5 час. веч.

ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ
ФОТОГРАФИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ
ЕЖЕГОДНИК ЖУРНАЛА **„СОВЕТСКОЕ ФОТО“** за 1929 год

СОДЕРЖАНИЕ.
О фотолюбительском движении в СССР—С. Евтенов. Принципы и методы прикладной фотографии и примеры их применения в науке и технике—А. Донде. Введение. Простейшие методы иллюстративной фотографии. Более сложные методы прикладной фотографии. Фотографические методы научного исследования. Отрасли техники, основанные на фотографии. Новые документы к истории изобретений фотографии (ненаписанное Ньепсом сочинение об его изобретении)—проф. Н. Е. Ермилов. Апланат или анастигмат—М. Домарадский. Новый метод определения главного фокусного расстояния—проф. А. Прилежаев. Фотооб'ектив будущего—М. Домарадский. О фотографических затворах—А. Мельников. Фотография в военном деле—В. Ягов. О фотоплакате—Н. Трошин. VII международный фотографический конгресс—К. Чибисов. Практическая сводка успехов фотографии за три года—Н. Д. Петров. Таблица светочувствительных веществ и их применений в фотографических процессах с 1824 по 1928 г.—проф. В. Срезневский. Сравнительная характеристика позитивных фотоматериалов советского и заграничного производства—К. Чибисов и В. Чельцов. О стандартности негативных фотоматериалов советского производства—К. Чибисов и В. Чельцов. О «правых» влияниях в фотографии—Л. Межеричер.

ФОТО-АЛЬМАНАХ 1929 г. является сборником оригинальных статей и материалов, рисующих достижения научной и практической фотографии в СССР.
ФОТО-АЛЬМАНАХ содержит 240 страниц текста с иллюстрациями.
ЦЕНА КНИГИ 2 руб. 50 к.
ЗАКАЗЫ и ПЕРЕВОДЫ адресуйте Москва, 6, Страстной бульвар, 11, Акц-онерному издат О-ву „ОГОНЕК“.

ОБ'ЯВЛЕНИЯ В ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ ПРИНИМАЕТ Рекламный отдел ОГОНЬКА ТЕЛЕФОН 1-42-96.



САМОЛЕТ ГОТОВ. ВЫИГРАЙ-ПОЛЕТИШЬ.

ПОСТУПИЛИ В ПРОДАЖУ БИЛЕТЫ 4-й ВСЕСОЮЗНОЙ ЛОТЕРЕИ ОСОАВИАХИМА
РАЗЫГРЫВАЕТСЯ **40.050** на **600.000** руб. ЦЕННЫХ ВЫИГРЫШЕЙ
ИЗ НИХ:
5 выигрышей—по 5.000 руб. Кругосветные путешествия, сроком на 2 месяца каждое.
2 выигрыша—по 3.000 руб. Легкомоторный самолет или автомобиль.
10 выигрышей—по 2.000 руб. Путешествия в любую страну света сроком на полтора месяца
6 выигрышей—по 700—1000 руб. и ряд других интересных выигрышей, т. е велосипеды, места в санатории, дома отдыха, спортивные костюмы, племенной скот, сельско-хозяйственные орудия, гармонии, гитары, малокалиберные винтовки, охотничьи ружья и т. д. Все выигрыши по желанию заменяются деньгами.
За период реализации будет произведено **ШЕСТЬ ТИРАЖЕЙ** 4-й лотереи. Купивший билеты всех шести разрядов имеет право **ШЕСТЬ РАЗ УЧАСТВОВАТЬ В ТИРАЖАХ.**
4-я ЛОТЕРЕЯ ОСОАВИАХИМА ДАСТ ТРИ МИЛЛИОНА РУБЛЕЙ НА УКРЕПЛЕНИЕ ОБОРОНЫ СССР
ПЕРВЫЙ ТИРАЖ—В МАРТЕ, ВТОРОЙ—В АПРЕЛЕ, ТРЕТИЙ и ЧЕТВЕРТЫЙ—В МАЕ, и ОСТАЛЬНЫЕ—В ИЮНЕ 1930 г.
СПЕШИТЕ ПРИОБРЕСТИ БИЛЕТЫ 4-й ЛОТЕРЕИ
БИЛЕТЫ ПРОДАЮТСЯ В ЯЧЕЙКАХ ОСОАВИАХИМА, СБЕРКАССАХ, ОТДЕЛЕНИЯХ ГОСБАНКА И ПОЧТОВО-ТЕЛЕГРАФНЫХ КОНТОРАХ.
Цена билета 50 коп.

НОВИНКИ Из-ва „ACADEMIA“

Я. ТУГЕНДХОЛЬД
ИСКУССТВО ОКТЯБРЬСКОЙ ЭПОХИ
с 45 иллюстрациями и портретом автора
СОДЕРЖАНИЕ: 1. Изобразительное искусство Октября. Живопись революционного десятилетия. Графика и графика. Наша скульптура. Искусство народов СССР. Ленин в искусстве. 2. Наши художественные группировки. Пути станковой живописи (из заметок о выставках 1926—28 г.). Искусство и современность (о художниках Оста). 3. Пути художественной молодежи. Шире дорогу молодым талантам. Молодежь и художественная школа. Художественные объединения молодежи. 4. Искусство плаката.
195 стр. 2 р. 80 к.

Д. М. АРШАРУНИ и С. Л. ВЕЛЬТМАН
ЭПОС СОВЕТСКОГО ВОСТОКА
ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ И ПОСЛЕОКТЯБРЬСКИЕ МОТИВЫ
СОДЕРЖАНИЕ: Предисловие. Часть I-я: Дореволюционный эпос. Трудовые песни, поэзия степей и пустынь. Туркменская женская поэзия. Борьба горцев Кавказа и их творчество. Часть II-я. Революционный эпос. Октябрьская революция и Ленин. Смерть Ленина в устном творчестве. Классовое лицо революционного эпоса. Религиозные и антирелигиозные мотивы. Библиография. Об'яснение слов.
130 стр. 1 р. 50 к.

ЦЕНТР. КНИЖН. СКЛАД. „ACADEMIA“ Москва, Тверская, 6.

Издательство „ИЗВЕСТИЯ ЦИК СССР и ВЦИК“ Москва, 6, Страстная площадь.
ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1930 год НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
НОВЫЙ МИР
(6-й год издания).
под редакцией: А. В. ЛУНАЧАРСКОГО, А. Г. МАЛЫШКИНА, Вяч. ПОЛОНСКОГО, М. А. САВЕЛЬЕВА и В. И. СОЛОВЬЕВА.
В 1930 году в журнале „НОВЫЙ МИР“ будут напечатаны:
I. Романы и повести. II. Рассказы. III. Стихи и поэмы. IV. Литература и современность. V. Статьи об искусстве (с иллюстрациями). VI. Политика, история, быт, общественная жизнь. VII. Литературный архив (историко-литературные материалы и переписка). VIII. Наука и техника (статьи о новейших достижениях науки и техники). IX. Книжное обозрение.
№ 1 ЗАКАНЧИВАЕТСЯ ПЕЧАТАНИЕМ ПЕРВАЯ (январская) КНИГА ЖУРНАЛА **„НОВЫЙ МИР“** **№ 1**
СОДЕРЖАНИЕ:
Леонид Леонов.—Соть, роман. Иван Макаров.—Остров, рассказ. Мариэтта Шагинян.—Гидроцентраль, роман. Алексей Толстой.—Петр I, повесть (часть 2-я). Горев.—Первый день, рассказ.
СТИХИ: Ник. Асеева, Н. Ушакова, Марка Тарловского и Н. Асанова.
СТАТЬИ И ОЧЕРКИ: Вл. Бонч-Бруевич.—Первое покушение на В. И. Ленина. А. Соколов.—Великие будни. Б. Анибал.—Преступление работницы Прасловой. Г. Гаузнер.—Путешествие. Н. Шпанов.—Северные очерки. С. Гальперин.—По всему свету (очерки международной политики). Валентина Дынник.—Письмо из Берлина. Вяч. Полонский.—Заметки журналиста. А. Лежнев.—Разговор. Н. Замошкин.—Важный шаг к мастерству (о книге П. Слетова). А. Рашковская.—Восстание против разума (о совр. французской литературе). Книжное обозрение.
ЕСЛИ ВЫ ЕЩЕ НЕ ПОДПИСАЛИСЬ, ПОСПЕШИТЕ ПОДПИСКОЙ.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:	На 12 мес.	На 9 мес	На 6 мес	На 3 мес.	На 1 мес
	10 р. —	8 р. 35 к.	5 р. 50 к.	2 р. 85 к	1 р. —

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА — 1 р. 25 коп.
Годовым подписчикам допускается РАССРОЧКА в 4 срока: при подписке—2 р. 50 к., к 1 марта—2 р. 50 к., 1 мая—2 р. 50 к. и к 1 июля—2 р. 50 к.
ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Главной Конторой «Известий ЦИК СССР и ВЦИК» (Москва, Страстная площ.), ленинградским отд. «Известий ЦИК» (Ленинград, просп. 25 Октября, 68), всеми почтовыми конторами и письмоносцами, местными уполномоченными «ГУДКА», книжными отделами потребительских кооперативов и всеми контрагентами.

ГОСИЗДАТ РСФСР.
ВЫШЕЛ № 1 ЯНВАРЬ
НАШИ ДОСТИЖЕНИЯ
Отв. редактор **М. ГОРЬКИЙ.**
В номере: **По ленинскому пути.** ● Портрет В. И. Ленина. ● От редакции. ● **М. Горький** — На краю земли. ● **В. Кантарович** — Советская Камчатка. ● **А. Гольцман**—Ударные бригады. ● **И. Бородько**—Вдохновенные будни. ● **Н. Стальский** — Соревнование на полях. ● **Н. Булгаков**—Турксиб. ● **М. Лукьянов** — Ярославль. ● **Арт. Халатов** — Перестройте быт. ● **Б. Виленкин** и **М. Маршак** — Фабрика обедов. ● **Г. Чесноков** — Обуховская коммуна. ● **ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОТДЕЛ: М. Шошин** — Деревня. ● **Хроника.** ● **Библиография.**
Стр. 96. Цена **50** коп.
ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1930 г.
В 1930 году журнал НАШИ ДОСТИЖЕНИЯ выходит ежемесячно
Подписная цена на год (12 номеров)—5 руб.; на полгода—2 руб. 50 коп.
Для годовых подписчиков бесплатное приложение КАРТА ПЯТИЛЕТКИ.
Подписка и продажа везде.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ, ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ
№ 1 1930
СОДЕРЖАНИЕ:
Я. ШВЕДОВ—Сигнал, повесть. ДМ. ПЕТРОВСКИЙ—Денис Кочубей, повесть. Н. КЛЯЗЬМИНСКИЙ—Молодые, повесть. ИОСИФ УТКИН—Пять стихотворений. Н. ПОГОДИН—Тридцать, записки газетного корреспондента. М. ГЕЛЛЕР—Ужа догнали. А. КОСАРЕВ—К итогам пленума ЦК ВЛКСМ. Г. ВАСИЛЬКОВСКИЙ—Пос е с'езда ударных бригад. ФЕЛИКС КОН—На пороге второй молодости. СОВЕТСКИЕ ДНИ. Л. КАССИЛЬ—На злобу дня седьмого. В. САФОНОВ—Поко ители солнца. В. КАТАНЬЯН